ВЛАДИМІРЪ КОРОЛЕНКО

Korolenko, V.

ПИСЬМА

КЪ

ЛУНАЧАРСКОМУ

UNIV. OF CALIFORNIA

Pisma k Lunacharskomu

РУССКОЕ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
И
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН
Т-во ГЛИКСМАН
BERLIN W.50, PASSAUERSTR.
НАПРОТИВ KADEWE
Тел. Steinplatz 285. 2 6

ПАРИЖЪ 1922

Право изданія на всѣхъ языкахъ принадлежитъ Книгоиздательству «ЗАДРУГА».

PG 3467
K6 Z591
1922
MAIN

ПРЕДИСЛОВІЕ

Каждый разъ, когда я слышу имя В. Г. Короленко, — въ памяти моей воскресаетъ такой эпизодъ изъ исторіи политической ссылки въ тотъ суровый, студеный край, гдѣ провелъ свою молодость незабвенный писатель и гдѣ встрѣтилъ своихъ героевъ: Макара, Соколинца, Марусю, безвѣстнаго писателя очерка Атъ-Даванъ и др. Эпизодъ, который я хочу разсказать, связанъ съ тѣмъ улусомъ, хотя не съ тѣмъ самымъ наслегомъ, въ которомъ жилъ Владиміръ Галактіоновичъ.

Жили да были въ самомъ началѣ восьмидесятыхъ годовъ два студента первокурсника, большіе пріятели. Одинъ изъ нихъ веселый, красивый, смѣшливый двадцатилѣтній мальчикъ N былъ арестованъ въ 1882 году изъ за знакомства (тогда и такое политическое преступленіе было). Времена были суровыя, мальчика пріобщили къ процессу, судили и сослали въ Якутскую область на поселеніе. Черезъ четыре года пришла очередь и пріятеля, назову его Z. Арестовали и его. Времена были уже менѣе суровыя, такъ что молодой человѣкъ, послѣ долгаго одиночнаго заключенія, хотя и былъ сосланъ въ Якутскую область, но административнымъ порядкомъ, и всего только на пять лѣтъ. Z отбылъ ссылку въ самомъ дальнемъ углу Якутской области, на Колымѣ, и зимой 1892 года возвращался домой вольнымъ человѣкомъ. Послѣ двухъ мѣсяцевъ пути Z добрался съ береговъ Колымы до Якутска, гдѣ узналъ, что въ дальнемъ улусѣ поселенъ его давнишній пріятель N. И тотчасъ-же созрѣло рѣшеніе провѣдать друга. Z подрядилъ двухъ верховыхъ коней: одного для себя, а другого для проводника якута и тронулся въ путь. На третій день къ вечеру, когда, по расчетамъ, должна была показаться юрта, гдѣ жилъ N, промерзшій Z все приставалъ къ проводнику съ вопросомъ:

M100361

«Хасо кесъ халла»..., т. е. сколько кесовъ осталось еще. Кесъ — якутская мѣра длины, крайне растяжимая, т. е. обозначаетъ пространство, которое можно пройти, пока растаетъ ледъ въ котлѣ, вскипитъ вода и сварится кусокъ мяса. Такъ какъ котлы бываютъ большіе и маленькіе, то кесы также бываютъ двоякаго рода. Въ силу какихъ то соображеній мѣстные русскіе рѣшили, что кесъ равенъ десяти верстамъ. Желая быть логичными, т. е. имѣя въ виду, что котлы бываютъ большіе и маленькіе, въ Якутской области признаютъ: «большія десять верстъ» и «маленькія десять верстъ». Въ тотъ вечеръ Z находилъ, что кесы, оставшіеся до юрты, очень большіе. Дорога шла безконечной тайгой. Она то разступалась, давъ мѣсто замерзшему бадарану, т. е. болоту съ полузанесенными кочками, или круглому озеру съ почти отвѣсными берегами, то ряды деревьевъ плотно сближались, оставивъ мѣсто для тропы, едва достаточной для проѣзда. Ночь сгущалась; только на юго-западѣ бѣлѣлъ еще кусокъ неба, пропитанный зеленоватымъ свѣтомъ. Тайга принимала сказочную обстановку и порождала характерныя для полярнаго лѣса иллюзіи. Куски потемнѣвшаго неба, проглядывавшіе сквозь вѣтви лиственницъ, казались арками, а очерчивавшіе ихъ высокіе, суровые стволы — колоннами исполинскихъ зданій. Слабый свѣтъ безлунной ночи, сконденсированный снѣгомъ, казался значительно ярче, и потому земля, чудилось, была залита луннымъ свѣтомъ, который игралъ на стѣнахъ призрачныхъ дворцовъ. Нужно было долго и внимательно всматриваться, чтобы на мигъ нарушилась иллюзія. Черезъ минуту опять съ боку высились исполинскіе дворцы со стройными арками, высокими колоннами и хитрыми капителями. Опять казалось Z, что на бѣлыхъ стѣнахъ этихъ громадныхъ палаццо играютъ блѣдные отраженные лучи луннаго свѣта. Черные пни, вырванные съ корнями деревьевъ, приняли фантастическія очертанія. То они казались сидящимъ медвѣдемъ, то уродливымъ чудовищемъ изъ якутской олонхо (былины), «съ тремя ногами на пупѣ», — тѣмъ чудовищемъ, что зорко хранитъ волшебный камень сата, могущій дряхлаго старика обратить въ крѣпкаго юношу.

Оцѣпенѣвшій отъ холода Z проглядѣлъ глаза, высматривая, не покажется ли надъ деревьями снопъ искръ. Сотни разъ онъ принималъ за нихъ какую-нибудь звѣзду, ярко загоравшуюся краснымъ пламенемъ. И когда Z рѣшилъ уже, что жилья никогда не будетъ, проводникъ сказалъ: «джемъ мана» (вонъ жилье). Въ темнотѣ среди деревьевъ смутно вырисовывалась форма юрты, похожей на снѣжный бугоръ. Какой то якутъ, судя по платью, стоялъ съ лопатой у входа, очевидно только что кончивъ сгребать свѣжій коровій калъ, изъ котораго якутки лѣпятъ формы для молока. Калъ, замерзая, образуетъ чашечку, куда вливаютъ выдоенное молоко, сейчасъ же замерзающее въ желтоватую лепешку. И эти лепешки потомъ складываются въ чуланѣ про запасъ и на продажу.

Z вошелъ въ юрту, недоумѣвая, гдѣ-же N. Пріѣзжаго охватилъ острый запахъ коровника. Гдѣ-то изъ-за камина глухо и флегматично мычала корова. Два плотненькихъ теленка положили головы на хребты другъ другу и изумленно глядѣли на Z. Два полуголыхъ якутенка спрятались за чувалъ и выглядывали оттуда, какъ волчата. Третій, совсѣмъ крошечный, сидѣлъ на полу, держа въ рукахъ большой кусокъ «струганины», т. е. сырой, мерзлой рыбы. Плосконосая, крутоскулая якутка, очевидно мать дѣтей, ставила свѣжія полѣна, чтобы огонь разгорѣлся ярче. У чувала стоялъ якутъ, все еще держа въ рукахъ лопату для вычищенія кала. Теперь Z замѣтилъ, что лицо у мужчины заросло густой и очень грязной бородой. «Хайлакъ»*, — рѣшилъ Z; но тутъ-же, когда «хайлакъ» заговорилъ, пріѣзжій узналъ въ немъ своего друга юности. Пріѣзжаго поразило не платье N, не занятіе его и не обстановка: на Колымѣ онъ самъ одѣвался такъ и жилъ почти въ такой же обстановкѣ. Поразило то, что N, когда то веселый, смѣшливый и очень разговорчивый, сталъ мерзлымъ, угрюмымъ и, повидимому, почти разучился говорить по русски.

N былъ изъ богатаго, хорошаго рода. Отецъ его былъ генералъ и помѣщикъ. Семь дней прожилъ Z у своего друга. Только въ послѣдній вечеръ N

* Т. е. уголовный поселенецъ.

оттаялъ. Друзья до поздней ночи просидѣли въ юртѣ, освѣщенной только огнемъ въ чувалѣ. — Ты, Z, уѣзжаешь въ Россію, а я пропалъ, — сказалъ N. — Я знаю твердо, что пропалъ. Не потому, что я сосланъ въ дальній улусъ. Не потому, что женился на якуткѣ и наплодилъ волчатъ-якутятъ. Нѣтъ, я по другому признаку знаю, что пропалъ. Прежде мнѣ снились родные, университетъ, лекціи, сходки. Теперь мнѣ снятся только якутскіе сны. Я вижу и ночью, что мнѣ надо продолбить койбонъ (прорубь), вычистить хотонъ (коровникъ) или обмазать чувалъ. Кюнъ (такъ звали жену N) говоритъ, что я со сна даже пою по якутски. И когда мнѣ стали сниться только якутскіе сны, — я понялъ, что погибъ.

Въ своихъ очеркахъ по исторіи русской литературы, С. А. Венгеровъ, касаясь цѣлаго ряда писателей — этнографовъ, выступившихъ въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ, говоритъ: «Передъ читателемъ проходитъ рядъ потрясающихъ картинъ жалчайшаго прозябанія въ полярныхъ окраинахъ людей, еще такъ недавно полныхъ силъ и огня. Но нѣтъ силъ выдержать ледяныя объятія грозной мерзлой тайги, одурманивающую атмосферу вонючей якутской юрты, жизнь буквально впроголодь, медленное превращеніе въ полузвѣрей. Могильный холодъ сковываетъ сознаніе, люди сходятъ съ ума, принижаются до уровня бродячаго чукчи, убиваютъ себя». Все это вѣрно. Въ обстановкѣ, которую видѣлъ Z, молодые, интеллигентные, даровитые люди, дѣйствительно, превращались въ дикарей, совершенно опускались или кончали самоубійствомъ; но Владиміръ Галактіоновичъ Короленко возвратился изъ Якутской области закаленнымъ бойцомъ. Путешественники съ удивленіемъ видятъ, какъ въ Якутской области, въ долинахъ рѣкъ, въ короткое лѣто пышно зацвѣтаетъ шиповникъ даже подъ 69° с. ш. Такимъ же пышнымъ цвѣтомъ зацвѣлъ въ суровомъ краѣ художественный талантъ Короленко. (Его лучшія произведенія написаны въ ссылкѣ.) Изъ Якутской области Короленко принесъ еще стойкость убѣжденій, строгость по отношенію къ себѣ, любовь къ человѣчеству, сознаніе, что человѣкъ созданъ для счастья, какъ птица для полета, и твердую вѣру въ то, что

и все-таки... все-таки впереди огни! какъ бы темна ни была ночь.

Россія еще въ 1885 году, т. е. черезъ годъ послѣ возвращенія Короленко изъ ссылки, оцѣнила его какъ талантливаго беллетриста, счастливо сочетавшаго въ себѣ польскій романтизмъ, украинскій юморъ и лиризмъ, да еще гуманность, составлявшую такъ долго отличительную особенность русской литературы.

Уже много лѣтъ прошло также съ тѣхъ поръ, какъ Россія оцѣнила Владиміра Галактіоновича, какъ публициста, какъ автора книги о голодѣ 1891—92 г. г. Тогда казалось, что страшнѣе того голода, порожденнаго не столько засухой, сколько бездарностью и безсердечностью администраціи, — быть уже не можетъ. Какъ публициста, Россія оцѣнила Короленко по статьямъ въ «Русскомъ Богатствѣ», да по книжкамъ «Бытовое явленіе» и «Сорочинская трагедія». Россія знала также В. Г. Короленко, какъ гражданина. И тѣ явленія, съ которыми боролся публицистъ и гражданинъ Короленко при старомъ режимѣ, приняли еще болѣе страшный, и почти апокалипсическій характеръ при новомъ режимѣ, какъ убѣдится читатель изъ книги, лежащей передъ нимъ. Всю жизнь свою В. Г. Короленко, какъ писатель, боролся съ насиліемъ. Произволъ вызывалъ у него прямо физическую боль. И въ «Письмахъ къ Луначарскому» Короленко указываетъ на насиліе, которому и примѣра нѣтъ. «Своимъ лозунгомъ «грабь награбленное» вы сдѣлали то, что деревенская «грабижка», погубившая огромныя количества сельско-хозяйственнаго имущества безъ всякой пользы для вашего коммунизма, перекинулась и въ города, гдѣ быстро сталъ разрушаться созданный капиталистическимъ строемъ производственный аппаратъ. Борьба съ этимъ строемъ приняла характеръ какой то осады непріятельской крѣпости... Вы считали своими успѣхами всякое разрушеніе, наносимое капиталистическому строю, забывая, что истинная побѣда соціальной революціи, если-бы ей суждено было совершиться, состояла бы не въ разрушеніи капиталистическаго производственнаго аппарата, а въ овладѣніи имъ и въ его работѣ на новыхъ началахъ. Теперь вы спохватились, но, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно, когда страна стоитъ

въ страшной опасности передъ однимъ забытымъ вами фронтомъ. Фронтъ этотъ — враждебныя силы природы». «Грабижка», введенная революціоннымъ правительствомъ, породила тотъ ужасный голодъ, который, какъ въ 1602 году, сдѣлалъ людоѣдство бытовымъ явленіемъ.

Совѣсть Россіи никогда не могла мириться съ смертной казнью. Въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь, первая Дума почти единогласно высказалась противъ смертной казни. Нѣкоторое время правительство тогда колебалось и въ теченіе двухъ недѣль висѣлица бездѣйствовала, палачи на всемъ пространствѣ Россіи отдыхали отъ своей ужасной работы, — говоритъ В. Г. Короленко. Среди этого затишья историческая Россія встрѣчалась съ Россіей будущей, и обѣ измѣряли другъ друга тревожными, пытливыми, ожидающими взглядами. 12 мая 1906 года получилось извѣстіе, что висѣлица опять принимается за работу. Раздумье кончилось («Бытовое явленіе», стр. 5, изданіе 1910 г.) — и знаменитый публицистъ горячо запротестовалъ противъ казней. Такъ было при царскомъ режимѣ. При большевистскомъ режимѣ Владиміру Галактіоновичу, какъ увидитъ читатель изъ «Писемъ къ Луначарскому», приходится протестовать противъ гуртовыхъ казней въ административномъ порядкѣ и противъ еще болѣе страшнаго: — разстрѣла заложниковъ. При Николаѣ II В. Г. Короленко скорбѣлъ, что въ Россіи нельзя протестовать противъ казней, какъ заграницей, на митингахъ и путемъ петицій. «Тѣмъ важнѣе, скажу даже — тѣмъ священнѣе обязанность печати хоть напоминать о томъ, что ужасъ продолжается въ нашей жизни, чтобы не дать ему превратиться окончательно въ будничное, обыденное бытовое явленіе, своего рода привычку, перестающую шевелить общественное сознаніе и совѣсть.» Такъ писалъ В. Г. Короленко много лѣтъ назадъ. («Бытовое явленіе», стр. 83). Онъ не предвидѣлъ, что правительство, называющее себя «коммунистическимъ», «революціоннымъ», и не знаю еще какъ, не только превратитъ гуртовыя казни въ бытовое явленіе, не только запретитъ протестовать противъ нихъ въ печати, но вообще совершенно упразднитъ всякую печать, кромѣ казенной. «Письма В. Г. Короленко» могли появиться только заграницей. Читатель легко убѣдится, что эти письма, которыя А. В. Луначарскій не рѣшился напечатать въ «Правдѣ», какъ обѣщалъ автору, поставятъ публициста и гражданина В. Г. Короленко еще на болѣе высокій пьедесталъ, чѣмъ раньше. Маленькая книжка эта долго будетъ приводиться, какъ примѣръ гражданской доблести. Письма — лучшее завѣщаніе Владиміра Галактіоновича. Мы видимъ въ нихъ проявленіе смѣлаго духа, закаленнаго когда-то въ Якутской тайгѣ.

«Подвигъ воина гигантскій
И стыдъ сраженныхъ имъ враговъ
Въ судѣ ума, въ судѣ вѣковъ,
Ничто предъ доблестью гражданской.»

Эти стихи К. Рылѣева, мнѣ кажется, могли бы служить эпиграфомъ всей дѣятельности Короленко. Въ особенности, они примѣнимы къ книжкѣ, лежащей теперь передъ читателемъ.

ДІОНЕО.

Лондонъ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Анатолій Васильевичъ,

Я, конечно, не забылъ своего обѣщанія написать обстоятельное письмо, тѣмъ болѣе, что это было и мое искреннее желаніе. Высказывать откровенно свои взгляды о важнѣйшихъ мотивахъ общественной жизни давно стало для меня, какъ и для многихъ искреннихъ писателей, насущнѣйшей потребностью. Благодаря установившейся нынѣ «свободѣ слова», этой потребности нѣтъ удовлетворенія. Намъ, инакомыслящимъ, приходится писать не статьи, а докладныя записки. Мнѣ казалось, что съ вами мнѣ это будетъ легче. Впечатлѣніе отъ вашего посѣщенія укрѣпило во мнѣ это намѣреніе, и я ждалъ времени, когда я сяду за столъ, чтобы обмѣняться мнѣніями съ товарищемъ писателемъ о болящихъ вопросахъ современности.

Но вотъ кошмарный эпизодъ съ разстрѣлами во время вашего пріѣзда какъ будто легъ между нами такой преградой, что я не могу говорить ни о чемъ, пока не раздѣлаюсь съ нимъ. Мнѣ невольно приходится начинать съ этого эпизода.

Уже приступая къ разговору съ вами (вѣрнѣе къ ходатайству) передъ митингомъ, я нервничалъ, смутно чувствуя, что мнѣ придется говорить напрасныя слова надъ только что зарытой могилой. Но — такъ хотѣлось повѣрить, что слова начальника Чрезв. Комиссіи имѣютъ же какое-нибудь основаніе и пять жизней еще можно спасти. Правда, уже и по общему тону вашей рѣчи чувствовалось, что даже и вы считали бы этотъ кошмаръ въ порядкѣ вещей . . . но . . . человѣку свойственно надѣяться . . .

И вотъ, на слѣдующій день, еще до полученія вашей записки, я узналъ, что мое смутное предчувствіе есть фактъ: пять безсудныхъ разстрѣловъ, пять труповъ легли между моими тогдашними впечатлѣніями и той минутой, когда я съ стѣсненнымъ сердцемъ берусь за перо. Только два-три дня назадъ мы узнали изъ мѣстныхъ «Извѣстій» имена жертвъ. Передъ свиданіемъ съ вами я видѣлъ родныхъ Аронова и Миркина, и это отблескъ личнаго драматизма на эти безвѣстныя для меня тѣни. Я привезъ тогда на митингъ, во-первыхъ копію оффиціальнаго заключенія лица, вѣдающаго продовольствіемъ. Въ немъ значилось, что въ дѣяніяхъ Аронова продовольственныя власти не усмотрѣли нарушенія декретовъ. Во-вторыхъ, я привезъ ходатайство мельничныхъ рабочихъ, доказывающее, что рабочіе не считали его грубымъ эксплоататоромъ и спекулянтомъ. Такимъ образомъ, по вопросу объ этихъ двухъ жизняхъ были разныя, даже оффиціальныя, мнѣнія, требовавшія во всякомъ случаѣ осторожности и провѣрки. И дѣйствительно, за полторы недѣли до этого въ чрезвычайную Комиссію поступило предложеніе Губисполкома, согласно заключенію юрисконсульта, освободить Аронова или передать его дѣло въ Революціонный Трибуналъ.

Вмѣсто этого, онъ разстрѣлянъ въ административномъ порядкѣ.

Вы знаете, что въ теченіе своей литературной жизни я «сѣялъ не однѣ розы»[1]. При царской власти я много писалъ о смертной казни и даже отвоевалъ себѣ право говорить о ней печатно много больше, чѣмъ это вообще было дозволено цензурой. Порой мнѣ удавалось даже спасать уже обреченныя жертвы военныхъ судовъ, и были случаи, когда послѣ пріостановленія казни получались доказательства невинности, и жертвы освобождались (напр., въ дѣлѣ Юсупова), хотя бывало, что эти доказательства приходили слишкомъ поздно (въ дѣлѣ Глускера и др.).

[1] Выраженіе ваше въ одной изъ статей обо мнѣ.

Но казни безъ суда, казни въ административномъ порядкѣ — это бывало величайшей рѣдкостью даже и тогда. Я помню только одинъ случай, когда озвѣрѣвшій Скалонъ (Варшавскій генералъ-губернаторъ) разстрѣлялъ безъ суда двухъ юношей. Но это возбудило такое негодованіе даже въ военно-судныхъ сферахъ, что только «одобреніе» послѣ факта неумнаго царя спасло Скалона отъ преданія суду. Даже члены главнаго военнаго суда увѣряли меня, что повтореніе этого болѣе невозможно.

Много и въ то время, и послѣ этого творилось невѣроятныхъ безобразій, но прямого признанія, что позволительно соединять въ одно слѣдственную власть и власть, постановляющую приговоры (къ смертной казни), даже тогда не бывало. Дѣятельность большевистскихъ чрезвыч. слѣдственныхъ комиссій представляетъ примѣръ — можетъ быть единственный въ исторіи культурныхъ народовъ. Однажды, одинъ изъ видныхъ членовъ Всеукраинской Ч. К., встрѣтивъ меня въ Полтавской Чрезв. Ком., куда я часто приходилъ и тогда съ разными ходатайствами, спросилъ меня о моихъ впечатлѣніяхъ. Я отвѣтилъ: если бы при царской власти окружныя жандармскія управленія получили право не только ссылать въ Сибирь, но и казнить смертью, то это было бы то самое, что мы видимъ теперь.

На это мой собесѣдникъ отвѣтилъ:

— Но вѣдь это для блага народа.

Я думаю, что не всякія средства могутъ дѣйствительно обращаться на благо народа, и для меня несомнѣнно, что административные разстрѣлы, возведенные въ систему и продолжающіеся уже второй годъ, не принадлежатъ къ ихъ числу. Однажды, въ прошломъ году мнѣ пришлось описать въ письмѣ къ Христ. Георг. Раковскому одинъ эпизодъ, когда на улицѣ чекисты разстрѣляли нѣсколько такъ называемыхъ «контръ-революціонеровъ». Ихъ уже вели

темной ночью на кладбище, гдѣ тогда ставили разстрѣливаемыхъ надъ открытой могилой и разстрѣливали въ затылокъ безъ дальнихъ церемоній. Можетъ быть, они дѣйствительно пытались бѣжать (не мудрено), и ихъ пристрѣлили тутъ же на улицѣ изъ ручныхъ пулеметовъ. Какъ бы то ни было, народъ, съѣзжавшійся утромъ на базаръ, видѣлъ еще лужи крови, которую лизали собаки, и слушалъ въ толпѣ разсказы окрестныхъ жителей о ночномъ происшествіи. Я тогда спрашивалъ у Х. Г. Раковскаго: считаетъ ли онъ, что эти нѣсколько человѣкъ, будь они даже дѣятельнѣйшіе агитаторы, могли бы разсказать этой толпѣ что-нибудь болѣе яркое и болѣе возбуждающее, чѣмъ эта картина? Долженъ сказать, что тогда и мѣстный Губисполкомъ и центральная Кіевская власть немедленно прекращали (два раза) попытки такихъ коллективныхъ разстрѣловъ и потребовали передачи дѣла Революціонному Трибуналу. Судъ одного изъ обреченныхъ Чрезв. Комис. къ разстрѣлу оправдалъ, и этотъ приговоръ былъ встрѣченъ рукоплесканіями всей публики. Апплодировали даже часовые красноармейцы, отложивъ ружья. Послѣ, когда пришли деникинцы, они вытащили изъ общей ямы 16 разлагающихся труповъ и положили ихъ на показъ. Впечатлѣніе было ужасное, но — къ тому времени они сами разстрѣляли уже безъ суда нѣсколько человѣкъ, и я спрашивалъ у ихъ приверженцевъ: думаютъ ли они, что трупы разстрѣлянныхъ ими, извлеченные изъ ямъ, имѣли бы болѣе привлекательный видъ? Да, обоюдное озвѣреніе достигло уже крайнихъ предѣловъ, и мнѣ горько думать, что историку придется отмѣтить эту страницу «административной дѣятельности» Ч. К. въ исторіи первой Россійской Республики и притомъ не въ XVIII, а въ XX столѣтіи.

Не говорите, что революція имѣетъ свои законы. Были, конечно, взрывы страстей революціонной толпы, обагрявшей улицы кровью даже въ XIX столѣтіи. Но это были вспышки стихійной, а не систематизированной ярости. И они надолго оставались (какъ разстрѣлъ заложниковъ коммунарами) кровавыми маяками, вызывавшими не только лицемѣрное негодованіе версальцевъ, которые далеко превзошли въ жестокости коммунаровъ, но и самихъ рабочихъ и ихъ друзей... надолго это кидало омрачающую и заглушающую тѣнь и на самое соціалистическое движеніе.

Въ сообщеніи по поводу разстрѣла Аронова и Миркина, появившемся, наконецъ, 11 и 12 іюня въ «Извѣстіяхъ», говорится, что они казнены за хлѣбную спекуляцію. Пусть даже такъ, хотя все-таки невольно вспоминается, что продовольственныя власти не усмотрѣли нарушенія декретовъ, и это разногласіе заслуживало хотя судебной провѣрки. Вообще все это мрачное происшествіе напоминаетъ общественный эпизодъ великой французской революціи. Тогда тоже была дороговизна. Объяснялось это также самымъ близорукимъ образомъ — происками аристократовъ и спекулянтовъ, и возбуждало слѣпую ярость толпы. Конвентъ «пошелъ навстрѣчу народному чувству», и головы тогдашнихъ Ароновыхъ и Миркиныхъ летѣли десятками подъ ножемъ гильотины. Ничто, однако, не помогало, дороговизна только росла. Наконецъ, парижскіе рабочіе первые очнулись отъ рокового угара. Они обратились къ конвенту съ петиціей, въ которой говорили: «мы просимъ хлѣба, а вы думаете насъ накормить казнями». По мнѣнію Мишле, историка-соціалиста, изъ этого утомленія казнями въ С. Антуанскомъ предмѣстьѣ взметнулись первые взрывы контръ-революціи.

Можно ли думать, что разстрѣлы въ административномъ порядкѣ могутъ лучше нормировать цѣны, чѣмъ гильотина?

Въ сообщеніи оффиціальной газеты приведены только четыре имени разстрѣлянныхъ 30 іюня, тогда какъ опредѣленно говорилось о пяти. Изъ этого встревоженное населеніе дѣлаетъ заключеніе, что списокъ неполонъ. Называютъ еще другія имена... Между тѣмъ, если есть что-нибудь, гдѣ гласность

всего важнѣе, то это именно въ вопросахъ человѣческой жизни. Здѣсь каждый шагъ долженъ быть освѣщенъ. Всѣ имѣютъ право знать, кто лишенъ жизни, если ужъ это признано необходимымъ, за что именно, по чьему приговору. Это самое меньшее, что можно требовать отъ власти. Теперь населеніе живетъ подъ давленіемъ кошмара. Говорятъ, будто только часть названныхъ приводится въ спискѣ. Доходятъ до чудовищныхъ слуховъ, будто даже прежняя процедура еще упрощается до невозможнаго отсутствія всякихъ формъ, говорятъ, что теперь можно обходиться даже безъ допроса подсудимаго. Думаю, что это только испуганный бредъ... Но — какъ выбить изъ головъ населенія мысль, что теперь бредитъ порой и сама дѣйствительность?..

Мнѣ горько думать, что и вы, Анатолій Васильевичъ, вмѣсто призыва къ отрезвленію, напоминанія о справедливости, бережнаго отношенія къ человѣческой жизни, которая стала теперь такъ дешева, — въ своей рѣчи высказали какъ будто солидарность съ этими «административными разстрѣлами». Въ передачѣ мѣстныхъ газетъ это звучитъ именно такъ. Отъ души желаю, чтобы въ вашемъ сердцѣ зазвучали опять отголоски настроенія, которое когда-то роднило насъ въ главныхъ вопросахъ, когда мы оба считали, что движеніе къ соціализму должно опираться на лучшія стороны человѣческой природы, предполагая мужество въ прямой борьбѣ и человѣчность даже къ противникамъ. Пусть звѣрство и слѣпая несправедливость остаются цѣликомъ на долю прошлаго, отжившаго, не проникая въ будущее...

Вотъ, я теперь высказалъ все, что камнемъ лежало на моемъ сознаніи и теперь, думаю, моя мысль освободилась отъ мрачной завѣсы, которая мѣшала мнѣ исполнить свое желаніе — высказаться объ общихъ вопросахъ.

До слѣдующаго письма.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Это второе письмо я начну съ конкретнаго примѣра. Такъ мнѣ легче. Я не политикъ, не экономистъ. Я только человѣкъ, много присматривавшійся къ народной жизни и выработавшій нѣкоторое чутье къ ея явленіямъ.

Въ 1893 году я былъ на всемірной выставкѣ въ Чикаго. Приготовленія къ выставкѣ и сама выставка привлекли въ Чикаго массу рабочаго люда. Послѣ выставки вспыхнули крупныя волненія, вызванныя наступившей безработицей, и одно время пульмановскій городокъ, невдалекѣ отъ Чикаго, и самый городъ Чикаго оказались во власти возставшихъ рабочихъ. Въ предвидѣніи этого тяжелаго положенія, губернаторъ штата Иллинойсъ, по фамиліи Алтгелджъ, человѣкъ своеобразный и прямо замѣчательный по смѣлости мысли и дѣйствій, одинъ изъ лучшихъ представителей американской демократіи, самъ сталъ еще до конца выставки призывать рабочихъ къ тому, чтобы они заранѣе обдумали свое положеніе и старались организоваться для взаимопомощи.

И вотъ, однажды на огромной площади у такъ называемаго «дворца искусствъ», невдалекѣ отъ берега Мичигана, собрался митингъ безработныхъ. Онъ былъ грандіозенъ, какъ все въ Америкѣ. Огромная площадь оказалась залитой цѣлымъ моремъ людскихъ головъ. Число участниковъ, по предварительному подсчету полиціи, далеко превысило двѣсти тысячъ еще задолго до часа, назначеннаго для открытія митинга.

Я тоже пошелъ туда. Картина была своеобразна: надъ моремъ людскихъ головъ возвышались «платформы», каждая на двухъ очень высокихъ колесахъ, и съ каждой платформы къ толпѣ обращался отдѣльный ораторъ. Я слышалъ тутъ знаменитаго Генри Джорджа, проповѣдывавшаго свой «единый налогъ», который долженъ былъ сразу разрѣшить соціальный вопросъ уничтоженіемъ земельной ренты. Соціалистъ Морганъ, простой кузнецъ въ блузѣ съ засученными рукавами, взывалъ къ силѣ рабочаго класса. Указывая на огромные дома, окружавшие обширную площадь, онъ говорилъ: «Вы голодаете, а вѣдь все это ваше». Съ третьей платформы щебетала молоденькая миссъ, въ то время довольно популярная и усиленно рекомендовавшая... справочныя конторы, какъ лѣкарство отъ безработицы. Былъ и такой ораторъ — рабочій, который горячо доказывалъ, что капиталъ, организуя производство, служитъ одновременно интересамъ рабочихъ, и что между этими двумя классами — капиталистами и рабочими — должно установиться прочное дружеское сотрудничество.

Ораторы на платформахъ смѣнялись, но съ каждой говорили люди единомышленные, звучали однородные призывы. Въ публикѣ все время происходило соотвѣтственное движеніе: переходя отъ платформы къ платформѣ, каждый имѣлъ возможность ознакомиться со взглядами всѣхъ партій. Все это, очевидно, тяготѣло не къ тому, чтобы въ результатѣ митинга получилось единое мнѣніе, а лишь къ тому, чтобы каждый могъ получить разностороннія данныя для собственнаго вывода. Остальное предоставлялось затѣмъ агитаціи каждой партіи въ отдѣльности.

Около меня послышался глубокій вздохъ. Вздыхалъ человѣкъ въ поношенномъ костюмѣ рабочаго, можетъ быть тоже безработный.

— Эхъ... все это не то, — сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ. — Надо было бы имъ всѣмъ сначала сговориться, а сюда придти съ однимъ выводомъ. Вотъ тогда былъ бы толкъ.

Въ говорившемъ мы узнали соотечественника, русскаго еврея. Въ компаніи, съ которой я пришелъ на митингъ, былъ очень интересный человѣкъ, тоже русскій по происхожденію. Но онъ пріѣхалъ въ Америку ребенкомъ, и хотя понималъ по-русски (по семейной традиціи), но самъ говорилъ уже съ трудомъ. Звали его мистеръ Стонъ. Онъ былъ, помнится, ремесленникъ, но уже обратилъ на себя вниманіе статьями по рабочему вопросу и поэтому — съ одной стороны игралъ видную роль въ соціалистической партіи Чикаго, а съ другой губернаторъ Алтгелджъ нашелъ возможнымъ предложить ему мѣсто одного изъ фабричныхъ инспекторовъ для оффиціальной охраны интересовъ фабричныхъ рабочихъ. Въ Америкѣ такіе парадоксы не рѣдкость.

Я обратился къ нему съ вопросомъ:

— А какъ вы думаете, мистеръ Стонъ? Хотѣли бы вы, чтобы желаніе нашего соотечественника исполнилось?

— То-есть? — спросилъ мистеръ Стонъ, добиваясь болѣе точной формулы, а можетъ быть и не разобравъ значенія словъ говорившаго.

— То-есть, желали бы вы, чтобы во всѣхъ этихъ головахъ повернулась сразу какая-то логическая машинка, и они, да не одни они, а, пожалуй, весь народъ обратился бы къ вамъ, соціалистамъ, и сказалъ бы: мы въ вашей власти. Устраивайте нашу жизнь.

— Сохрани Богъ, — отвѣтилъ американскій соціалистъ рѣшительно.

— Почему-же?

— Ни мы, ни эта толпа, ни учрежденія Америки еще къ этому не готовы. Я — марксистъ. По нашему мнѣнію, капитализмъ еще не докончилъ своего дѣла. Недавно здѣсь былъ Энгельсъ. Онъ говорилъ: «Вашъ капиталъ отлично исполняетъ свою роль. Всѣ эти дома-монстры отлично послужатъ будущему обществу. Но роль его еще далеко не закончена.»

И это правда. Америка могла бы націонализировать пока только одно желѣзно-дорожное хозяйство. Оно уже и теперь сосредоточено въ рукахъ нѣсколькихъ милліардеровъ. Но уже топливо... Придумать сразу отношенія между желѣзно-дорожными рабочими и рабочими по топливу — это предметъ болѣе сложный, хотя еще возможный. Что же касается до всесторонней организаціи народнаго хозяйства огромной страны на соціалистическихъ началахъ, то эта задача для нашей партіи еще не по силамъ. Напримѣръ — отношенія между рабочими квалифицированными и чернымъ трудомъ могли бы повести къ огромнымъ столкновеніямъ. Это легко устраивается только на бумагѣ, въ «Утопіяхъ». Но мы, марксисты, отлично понимаемъ, что намъ придется имѣть дѣло не съ людьми, сразу превратившимися въ ангеловъ, а съ милліонами отдѣльныхъ, скажемъ даже здоровыхъ эгоизмовъ, для примиренія которыхъ потребуется трудная выработка и душъ и переходныхъ учрежденій... Америка даетъ для этого отличную свободную почву, но пока и только.

Послѣ митинга въ нашей небольшой компаніи продолжалось обсужденіе этого предмета, и я выяснилъ себѣ точку зрѣнія американскаго соціалиста, которую и постараюсь теперь возстановить «своими словами».

Общество не есть организмъ, но въ обществѣ есть много органическаго, развивающагося по своимъ законамъ. Новыя формы назрѣваютъ въ немъ такъ же, какъ растутъ на днѣ океана коралловые рифы. Какъ извѣстно, такой рифъ есть сплетеніе отдѣльныхъ животныхъ, развивающихся по законамъ собственной жизни. Сплетаясь, они образуютъ гряду, которая все растетъ. То, что можно бы сравнить съ соціальной революціей — это тотъ моментъ, когда рифъ поднялся надъ поверхностью океана. Въ это время онъ подвергается свирѣпымъ ударамъ океанскихъ волнъ, стремящихся снести неожиданное препятствіе, съ одной стороны. Съ другой — вліяніе атмосферы стремится зародить жизнь на этой новой основѣ.

Нужна была долгая органическая работа подъ водою, чтобы дать для этого устойчивое основаніе.

Не то же ли въ обществѣ? Нужно много условій, какъ политическая свобода, просвѣщеніе, нужна выработка новыхъ общественныхъ сплетеній на прежней почвѣ, нужны растущія перемѣны въ учрежденіяхъ и въ человѣческихъ нравахъ. Словомъ, нужно то, что одинъ мой близкій знакомый и другъ, основатель румынскаго соціализма, истинный марксистъ, Геря-Доброджану, назвалъ «объективными и субъективными условіями соціальнаго переворота».

На мой взглядъ, это основа философіи Маркса. И вотъ почему Энгельсъ въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія говорилъ, что даже Америка еще не готова для соціальнаго переворота.

У Доброджану нашлись возражатели, которые говорятъ, что напр. Румынія уже готова. Правда, въ ней дѣйствительно нѣтъ ни объективныхъ, ни субъективныхъ условій для соціализма. Но развѣ мы не видимъ, что какъ разъ тѣ страны, гдѣ есть наиболѣе развитыя объективныя и субъективныя условія, какъ Англія, Франція, Америка отказываются примкнуть къ соціальной революціи, тогда какъ наоборотъ, Венгрія уже объявила у себя совѣтскую республику [1]? Не передовая въ развитіи соціализма Германія, гдѣ соціалистическія организаціи развиты болѣе всѣхъ странъ, а отсталая Россія, которая до февральской революціи не знала совсѣмъ легальныхъ соціалистическихъ организацій — выкинула знамя соціальной революціи. Изъ этого румынскіе возражатели Доброджану дѣлали какъ будто выводъ: чѣмъ меньше «объективныхъ и субъективныхъ условій въ странѣ», тѣмъ она больше готова къ соціальному перевороту. Эту аргументацію можно назвать чѣмъ угодно, но только не марксизмомъ.

Теперь эти возражатели могутъ прибавить еще

[1] Эта полемика велась въ то время, когда въ Венгріи существовала, хотя и кратковременная, совѣтская республика.

примѣры. Пріѣздъ делегаціи англійскихъ рабочихъ закончился горькимъ письмомъ къ нимъ Ленина, которое звучитъ охлажденіемъ и разочарованіемъ. Зато съ востока совѣтская республика получаетъ горячія привѣтствія. Но — слѣдуетъ только вдуматься, что знаменуетъ эта холодность англійскихъ рабочихъ соціалистовъ и привѣты фанатическаго востока, чтобы представить себѣ ясно ихъ значеніе.

На дняхъ я прочиталъ въ одной изъ совѣтскихъ газетъ возмущенное возраженіе турецкому «соціалисту» Баліеву, статьи котораго по армянскому вопросу отзываютъ прямыми призывами къ армянской рѣзнѣ. Таковъ этотъ восточный соціализмъ даже въ Европейской Турціи. Когда же вы захотите ясно представить себѣ картину этихъ своеобразныхъ восточныхъ митинговъ на площадяхъ передъ мечетями, гдѣ странствующіе дервиши призываютъ, сидящихъ на корточкахъ, слушателей къ священной войнѣ съ европейцами и вмѣстѣ къ привѣтствію русской совѣтской республики, то едва ли вы скажете, что тутъ рѣчь идетъ о прогрессѣ въ смыслѣ Маркса и Энгельса... Скорѣе наоборотъ: Азія отзывается на то, что чувствуетъ въ насъ родного, азіатскаго.

До слѣдующаго письма.

11 іюля 1920 г.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Въ моихъ письмахъ къ вамъ опять произошелъ значительный перерывъ. Отчасти это случилось потому, что я былъ нездоровъ, но только отчасти. Главная же причина въ томъ, что я былъ занятъ другимъ. Опять «конкретные случаи» не оставляли времени для общихъ вопросовъ. Вы легко догадываетесь, какіе это конкретные случаи. Безсудные разстрѣлы происходятъ у насъ десятками, и — опять мои запоздалыя или безуспѣшныя ходатайства. Вы скажете: вольно же во время междоусобія проповѣдывать кротость. Нѣтъ, это не то. Я никогда не думалъ, что мои протесты противъ смертной казни, начавшіеся съ «Бытового явленія» еще при царской власти, когда нибудь сведутся на скромные протесты противъ казней безсудныхъ или противъ дѣтоубійства. Вотъ мое письмо къ предсѣдателю нашего губисполкома, товарищу Порайко, изъ котораго вы увидите, какіе конкретные случаи отвлекли меня отъ обсужденія общихъ вопросовъ.

«Товарищъ Порайко,

«Я получилъ отъ васъ любезный отвѣтъ на свое письмо. Очевидно, заботясь о моемъ душевномъ спокойствіи, вы сообщили, что дѣло, о которомъ я писалъ, «передано въ Харьковъ». Благодарю васъ за эту любезность по отношенію ко мнѣ лично, но я узналъ, что 9 человѣкъ разстрѣляны уже наканунѣ[1], въ томъ числѣ одна дѣвушка 17 лѣтъ и еще двое

[1] Совершенно такъ же, — замѣчу для васъ, Анатолій Васильевичъ, — какъ во время вашего пріѣзда.

малолѣтнихъ. Теперь мнѣ извѣстно, что Чрезвыч. Ком. «судитъ» и другихъ миргородчанъ, и опять является возможность безсудныхъ казней. Я называю ихъ «безсудными» потому, что ни въ одной странѣ въ мірѣ роль слѣдственныхъ комиссій не соединяется съ правомъ постановлять приговоры, да еще къ смертной казни. Всюду дѣйствія слѣдственной комиссіи провѣряются судомъ, при участіи защиты. Это было даже при царяхъ.

«Чтобы не запоздать, какъ въ тотъ разъ, я заранѣе заявляю свой протестъ. Насколько мой слабый голосъ будетъ въ силахъ, я до послѣдняго издыханія не перестану протестовать противъ безсудныхъ разстрѣловъ и противъ дѣтоубійства».

Въ тотъ же день (7 іюля) вечеромъ мнѣ пришлось послать тому же лицу дополнительное письмо.

«Въ дополненіе къ моему утреннему письму спѣшу сообщить вамъ важное свѣдѣніе, которое достовѣрно узналъ только сегодня. Послѣ подавленія прошлогодняго возстанія, когда 14 человѣкъ было разстрѣляно въ Миргородѣ (карательнымъ отрядомъ), большевистская власть сочла себя удовлетворенной, и на улицахъ было расклеено объявленіе объ амнистіи по этому дѣлу. Теперь Губчека опять судитъ тѣхъ же лицъ, которыя, надѣясь на вѣрность слову совѣтскаго правительства, довѣрились обѣщанной амнистіи. Это обстоятельство извѣстно всѣмъ миргородчанамъ. Хорошо извѣстно оно и одному изъ видныхъ членовъ Полтавской Чрезв. Комис., тов. Литвину.

«Неужели возможны казни даже при этихъ обстоятельствахъ? Это было бы настоящимъ позоромъ для совѣтской власти».

По такому же поводу мнѣ пришлось еще писать къ Христіану Георгіевичу Раковскому и предсѣдателю Всеукраинскаго Центр. Исполнительнаго Комитета тов. Петровскому. Послѣднее письмо считаю тоже не лишнимъ привести здѣсь.

«Многоуважаемый товарищъ Петровскій,

«Я уже обращался по этому дѣлу къ тов. Раковскому. Теперь рѣшаюсь обратиться къ вамъ. Дѣло это — ходатайство относительно малолѣтней дочери крестьянина Евдокіи Пищалки, приговоренной Полтавской Ч. К. къ разстрѣлу. Двѣнадцать человѣкъ по этому дѣлу уже разстрѣляны[1]. Пищалка пока оставлена до рѣшенія ея участи въ харьковскихъ центральныхъ учрежденіяхъ. Я не могу повѣрить, чтобы въ этихъ высшихъ инстанціяхъ могли одобрить разстрѣлъ малолѣтней, въ чемъ уже усумнилась даже здѣшняя Чрезвыч. Комис. Сестра Пищалки ѣдетъ къ вамъ съ послѣдней надеждой. Неужели возможно, что она вернется безъ успѣха, и эта дѣвочка[2], пережившая уже ужасъ близкой казни и агонію нѣсколькихъ дней ожиданія — будетъ все-таки разстрѣляна?

«Пользуюсь случаемъ, чтобы сообщить еще слѣдующее: теперь рѣшается судьба людей, привлеченныхъ къ дѣлу о прошлогоднемъ миргородскомъ возстаніи, по которому уже была объявлена амнистія. Говорятъ, это ошибка Миргородской Чрезвычайной Комиссіи, которая не имѣла права объявлять амнистіи. Какъ бы то ни было, она была объявлена и о ней были расклеены оффиціальныя объявленія на улицахъ Миргорода послѣ того, какъ карательный отрядъ разстрѣлялъ 14 человѣкъ. Это было сдѣлано оффиціально, отъ имени совѣтской власти. Можетъ ли быть, чтобы люди, довѣрившіеся слову совѣтской власти, были разстрѣляны въ прямое нарушеніе обѣщанія?»

Тов. Петровскій далъ телеграмму въ Полтаву — не приводить приговора надъ малолѣтней въ исполненіе, и Пищалка, какъ говорятъ, отправлена въ Харьковъ. Но такъ какъ «отправить въ Харьковъ»

[1] Кажется, ошибка. Въ оффиціальной газетѣ приведено 9 фамилій.
[2] Ей недавно исполнилось только 17 лѣтъ.

это формула, которая у насъ равносильна «отправить на тотъ свѣтъ» (такъ въ справочномъ бюро отвѣчаютъ роднымъ о разстрѣлянныхъ), то въ глазахъ населенія судьба Пищалки остается мрачно сомнительной. Также, повидимому, не казнили до сихъ поръ амнистированныхъ, и они пока содержатся въ заключеніи. Надо замѣтить, что послѣ амнистіи нѣкоторые изъ нихъ находились даже на совѣтской службѣ и, повидимому, въ новыхъ проступкахъ не обвиняются.

Какъ разъ на этомъ мѣстѣ моего письма мнѣ сообщили, что ко мнѣ пришла какая то дѣвочка. Я вышелъ и узналъ, что эта дѣвочка и есть Пищалка. Она вернулась изъ Харькова свободной. Это доставило мнѣ глубокую радость за нее и за ея семью. Но — я не могу радоваться за нашу родину, гдѣ могла итти рѣчь о разстрѣлѣ этого ребенка, и гдѣ ее ужъ вывели изъ арестантскихъ ротъ вмѣстѣ съ другими, которые назадъ не вернулись.

Знаю, что наше время доставляетъ много такихъ «конкретныхъ случаевъ», даже болѣе потрясающихъ и трагическихъ. Но я счелъ нелишнимъ привести ихъ здѣсь, какъ фонъ, на которомъ мы съ вами ведемъ теперь обсужденіе общихъ вопросовъ [1].

Возвращаюсь къ параллели, поставленной въ предыдущемъ письмѣ.

Надъ Россіей ходъ историческихъ судебъ совершилъ почти волшебную и очень злую шутку. Въ милліонахъ русскихъ головъ въ какихъ нибудь дватри года повернулся внезапно какой-то логическій винтикъ, и отъ слѣпого преклоненія передъ самодержавіемъ, отъ полнаго равнодушія къ политикѣ нашъ народъ сразу перешелъ... къ коммунизму, по крайней мѣрѣ коммунистическому правительству.

Нравы остались прежніе, укладъ жизни тоже. Уровень просвѣщенія за время войны сильно подняться не могъ, однако, выводы стали радикально противоположные. Отъ диктатуры дворянства («совѣтъ объединеннаго дворянства»), мы перешли къ «диктатурѣ пролетаріата». Вы, партія «большевиковъ», провозгласили ее, и народъ прямо отъ самодержавія пришелъ къ вамъ и сказалъ: «устраивайте нашу жизнь».

Народъ повѣрилъ, что вы можете это сдѣлать. Вы не отказались. Вамъ это казалось легко, и вы непосредственно послѣ политическаго переворота начали соціальную революцію.

Извѣстный вамъ англійскій историкъ Карлейль говорилъ, что правительства чаще всего погибаютъ отъ лжи. Я знаю, теперь такія категоріи, какъ истина или ложь, правда или неправда менѣе всего въ ходу и кажутся «отвлеченностями». На историческіе процессы вліяетъ только «игра эгоизмовъ». Карлейль былъ убѣжденъ и доказывалъ, что вопросы правды или лжи отражаются въ концѣ концовъ на самыхъ реальныхъ результатахъ этой «игры эгоизмовъ», и я думаю, что онъ правъ. Вашей диктатурѣ предшествовала диктатура дворянства. Она покоилась на огромной лжи, долго тяготѣвшей надъ Россіей. Отчего у насъ послѣ крестьянской реформы богатство страны не растетъ, а идетъ на убыль, и страна впадаетъ во все растущія голодовки? Дворянская диктатура отвѣчала: отъ мужицкой лѣни и пьянства. Голодовки растутъ не отъ того, что у насъ воцарился мертвящій застой, что наша главная сила, земледѣліе, скована дурными земельными порядками, а исключительно отъ недостатка опеки надъ народомъ лѣнтяевъ и пьяницъ. Мнѣ съ товарищами въ голодные годы приходилось много бороться въ литературѣ и въ собраніяхъ съ этой чудовищной ложью. Что у насъ пьянства было много, это была правда, но правда только частичная. Основная же сущность крестьянства, какъ класса, состояла не въ пьянствѣ, а въ трудѣ и притомъ трудѣ, плохо вознаграждаемомъ и не дававшемъ надежды на прочное улучшеніе положенія. Вся политика послѣднихъ десятилѣтій ца-

[1] Послѣ отправки этого письма, въ концѣ августа, освободили по распоряженію изъ Харькова также амнистированныхъ ранѣе миргородцевъ.

ризма была основана на этой лжи. Отсюда всевластіе земскаго начальника и преобладаніе дворянства во всемъ гражданскомъ строѣ и въ земствѣ. Эта вопіющая ложь проникала всю нашу жизнь... Образованное общество пыталось съ нею бороться, и въ этой «оппозиціи» участвовали даже лучшіе элементы самого дворянства. Но народныя массы вѣрили только царямъ и помогали имъ подавлять всякое свободолюбивое движеніе. У самодержавнаго строя не было умныхъ людей, которые поняли бы, какъ эта ложь, поддерживаемая слѣпой силой, самымъ реальнымъ образомъ ведетъ строй къ гибели.

Формула Карлейля, какъ видите, пригодна, пожалуй, для опредѣленія причины гибели самодержавія. Вмѣсто того, чтобы внять истинѣ и остановиться, оно только усиливало ложь, дойдя, наконецъ, до чудовищной нелѣпости, «самодержавной конституціи», т. е. до мечты обманомъ сохранить сущность абсолютизма въ конституціонной формѣ.

И строй рухнулъ.

Теперь я ставлю вопросъ: все ли правда и въ вашемъ строѣ? Нѣтъ ли слѣдовъ такой же лжи въ томъ, что вы успѣли теперь внушить народу?

По моему глубокому убѣжденію, такая ложь есть, и даже страннымъ образомъ она носитъ такой же широкій, «классовой» характеръ. Вы внушили возставшему и возбужденному народу, что такъ называемая буржуазія («буржуй») представляетъ только классъ тунеядцевъ, грабителей, стригущихъ купоны и — ничего больше.

Правда ли это? Можете ли вы искренно говорить это?

Въ особенности, можете ли это говорить вы — марксисты?

Вы, Анатолій Васильевичъ, конечно, отлично еще помните то недавнее время, когда вы — марксисты — вели ожесточенную полемику съ народниками. Вы доказывали, что Россіи необходимо и благодѣтельно пройти черезъ «стадію капитализма». Что же вы

разумѣли тогда подъ этой благодѣтельной стадіей? Неужели только тунеядство буржуевъ и «стрижку купоновъ»?

Очевидно, тогда вы разумѣли другое. Капиталистическій классъ вамъ тогда представлялся классомъ, худо ли, хорошо ли, организующимъ производство. Несмотря на всѣ его недостатки, вы считали, совершенно согласно въ ученіемъ Маркса, что такая организація благодѣтельна для отсталыхъ въ промышленномъ отношеніи странъ, каковы, напримѣръ, Румынія, Венгрія и... Россія.

Почему же теперь иностранное слово «буржуа» — цѣлое, огромное и сложное понятіе, съ вашей легкой руки превратилось въ глазахъ нашего темнаго народа, до тѣхъ поръ его не знавшаго, въ упрощенное представленіе о «буржуѣ», исключительно тунеядцѣ, грабителѣ, ничѣмъ не занятомъ, кромѣ стрижки купоновъ?

Совершенно такъ же, какъ ложь дворянской диктатуры, подмѣнившая классовое значеніе крестьянства представленіемъ о тунеядцѣ и пьяницѣ, ваша формула подмѣнила роль организатора производства — пускай и плохого организатора — представленіемъ исключительно грабителя. И посмотрите опять, насколько правъ Карлейль съ своей формулой. Грабительскіе инстинкты были раздуты у насъ войной и потомъ безпорядками, неизбѣжными при всякой революціи. Бороться съ ними необходимо было всякому революціонному правительству. Къ этому же побуждало и чувство правды, которое обязывало васъ, марксистовъ, разъяснять искренно и честно ваше представленіе о роли капитализма въ отсталыхъ странахъ. Вы этого не сдѣлали. Тактическимъ соображеніямъ вы пожертвовали долгомъ передъ истиной. Тактически вамъ было выгодно раздуть народную ненависть къ капитализму и натравить народныя массы на русскій капитализмъ, какъ натравляютъ боевой отрядъ на крѣпость. И вы не остановились передъ извращеніемъ истины. Частичную истину вы

выдали за всю истину (вѣдь и пьянство тоже было). И теперь это принесло плоды. Крѣпость вами взята и отдана на потокъ и разграбленіе. Вы забыли только, что эта крѣпость — народное достояніе, добытое «благодѣтельнымъ процессомъ», что въ этомъ аппаратѣ, созданномъ русскимъ капитализмомъ, есть многое подлежащее усовершенствованію, дальнѣйшему развитію, а не уничтоженію. Вы внушили народу, что все это — только плодъ грабежа, подлежащій разграбленію въ свою очередь. Говоря это, я имѣю въ виду не однѣ матеріальныя цѣнности въ видѣ созданныхъ капитализмомъ фабрикъ, заводовъ, машинъ, желѣзныхъ дорогъ, но и тѣ новые процессы и навыки, ту новую соціальную структуру, которую вы, марксисты, сами имѣли въ виду, когда доказывали благодѣтельность «капиталистической стадіи».

Въ 1902 году разыгрались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Полтавской и смежной Харьковской губерніи широкіе аграрные безпорядки. Крестьяне вдругъ кинулись грабить помѣщичьи экономіи и затѣмъ, по прибытіи властей, покорно становились на колѣни и такъ же покорно ложились подъ розги. Когда ихъ, вдобавокъ, стали судить, то мнѣ пришлось одно время служить посредникомъ между ними и сорганизовавшейся защитой. Въ это время въ моемъ кабинетѣ въ Полтавѣ крестьяне собирались порой въ значительномъ количествѣ, и я старался присмотрѣться къ ихъ взглядамъ на происшедшее. Сами они были о немъ не очень высокаго мнѣнія. Они называли все движеніе «грабижкой» и самые благоразумные изъ нихъ объясняли возникновеніе этой «грабижки» по-своему: «як дитина не плаче, то и мати не баче». Они понимали, что грабежъ — не подходящій приступъ для какихъ бы то ни было улучшеній, но, доведенные до отчаянія, старались хоть чѣмъ нибудь обратить вниманіе «благодѣтеля-царя» на свое положеніе. Остальное сдѣлала слѣпая жадность, и движеніе приняло широкіе размѣры. Но царское правительство было слѣпо и глухо. Оно знало только необходимость дальнѣйшей опеки

и «вѣчность незыблемыхъ основъ» и изъ внезапно грозно прокинувшейся грабижки не сумѣло сдѣлать вывода. Попытка (довольно разумная) аграрной реформы первой думы была задушена, а побужденія, двигавшія крестьянскими массами во время грабижки, остались до времени революціи. Вы, большевики, отлили ихъ въ окончательную форму. Своимъ лозунгомъ «грабь награбленное» вы сдѣлали то, что деревенская «грабижка», погубившая огромныя количества сельско-хозяйственнаго имущества безъ всякой пользы для вашего коммунизма, перекинулась и въ города, гдѣ быстро сталъ разрушаться созданный капиталистическимъ строемъ производственный аппаратъ.

Борьба съ этимъ строемъ приняла характеръ какой-то осады непріятельской крѣпости. Всякое разрушеніе осаждаемой крѣпости, всякій пожаръ въ ней, всякое уничтоженіе ея запасовъ выгодно для осаждающихъ. И вы тоже считали своими успѣхами всякое разрушеніе, наносимое капиталистическому строю, забывая, что истинная побѣда соціальной революціи если бы ей суждено было совершиться, состояла бы не въ разрушеніи капиталистическаго производственнаго аппарата, а въ овладѣніи имъ и въ его работѣ на новыхъ началахъ.

Теперь вы спохватились, но, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно, когда страна стоитъ въ страшной опасности передъ однимъ забытымъ вами фронтомъ. Фронтъ этотъ — враждебныя силы природы.

До слѣдующаго письма.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

На этотъ разъ можно, кажется, обойтись безъ конкретныхъ случаевъ, и я попытаюсь сразу перейти къ общимъ вопросамъ, пока событія не завладѣли еще моимъ настроеніемъ.

Начинаю это письмо подъ впечатлѣніемъ англійской делегаціи. Въ нашемъ мѣстномъ оффиціозѣ напечатана или перепечатана откуда-то статья «Наша скорбь», сопровождающая письмо Ленина къ англійскимъ рабочимъ. Въ ней прямо говорится, что, наряду съ гордостью нашимъ революціоннымъ первенствомъ, русскіе коммунисты переживаютъ «трагедію одиночества». Въ письмѣ Ленина звучитъ, по мнѣнію автора, недоумѣніе по поводу «самой возможности въ нашу безпримѣрную эпоху такихъ «вождей» рабочихъ массъ, каковы большинство пріѣхавшихъ въ Россію англійскихъ делегатовъ»... «Англійскіе тред-юніонисты, ничему въ сущности не научившіеся, къ несчастью, все еще представляютъ огромныя массы англійскихъ рабочихъ».

Такъ какъ вы, партія коммунистовъ, являетесь только представителями «диктатуры русскаго пролетаріата», то отсюда слѣдуетъ выводъ, что нашъ пролетаріатъ въ своей массѣ шагнулъ далеко впередъ въ сравненіи съ англійскими тред-юніонистами, движеніе которыхъ представляетъ уже цѣлую исторію. Въ другихъ совѣтскихъ газетахъ не разъ уже повторялось, что вожди стараго нѣмецкаго соціализма, даже такіе, какъ Каутскій, являются презрѣнными соглашателями и даже продались «буржуазіи»[1].

Отбросивъ то, что можно объяснить полемической несдержанностью и увлеченіемъ, остается всетаки фактъ: европейскій пролетаріатъ за вами не пошелъ, и его настроеніе въ массѣ является настроеніемъ того американскаго соціалиста Стона, мнѣніе котораго я приводилъ во второмъ письмѣ. Они думаютъ, что капитализмъ даже въ Европѣ не завершилъ своего дѣла и что его работа еще можетъ быть полезной для будущаго. При переходѣ къ этому будущему отъ настоящаго не все подлежитъ уничтоженію и разгрому. Такія вещи, какъ свобода мысли, собраній, слова и печати для нихъ не простые «буржуазные предразсудки», а необходимое орудіе дальнѣйшаго будущаго, своего рода палладіумъ, который человѣчество добыло путемъ долгой и небезплодной борьбы и прогресса. Только мы, никогда не знавшіе вполнѣ этихъ свободъ и не научившіеся пользоваться ими совмѣстно съ народомъ, объявляемъ ихъ «буржуазнымъ предразсудкомъ», лишь тормозящимъ дѣло справедливости.

Это огромная ваша ошибка, еще и еще разъ напоминающая славянофильскій миѳъ о нашемъ «народѣ богоносцѣ» и еще болѣе — нашу національную сказку о Иванушкѣ, который безъ науки всѣ науки превзошелъ и которому все удается безъ труда, по щучьему велѣнію. Самая легкость, съ которой вамъ удалось повести за собой наши народныя массы, указываетъ не на нашу готовность къ соціалистическому строю, а, наоборотъ, на незрѣлость нашего народа. Механика знаетъ полезное и вредное сопротивленіе. Вредное мѣшаетъ работѣ механизма и подлежитъ устраненію. Но безъ полезнаго сопротивленія механизмъ будетъ вращаться въ пустую, не производя нужной работы. Это именно случилось и у насъ. Вы выкинули самые максималистскіе лозунги, вы воюете

[1] Полтавскія «Извѣстія» («Вісти») 27 іюня 1920 г. № 24.

во имя соціализма, вы побѣждаете его именемъ на поляхъ сраженія, но вся эта суета во имя коммунизма нисколько не знаменуетъ его побѣды.

Въ Румыніи, которая во многомъ напоминаетъ Россію, мнѣ разсказывали случай, яркій, какъ нарочно придуманный анекдотъ, но тѣмъ не менѣе дѣйствительный. Тамъ сохранились еще крупныя помѣстья со всѣми признаками нашего стариннаго боярства. Даже зовутся владѣльцы боярами, несомнѣнно отъ славянскаго слова.

Порой такіе бояре, особенно изъ молодыхъ, склонны къ крайнимъ партіямъ, и многіе изъ нихъ проходили школу соціализма Даброджану. Какъ то одинъ изъ такихъ бояръ, путешествуя по Швейцаріи, заинтересовался анархизмомъ и познакомился съ ученымъ садовникомъ-анархистомъ. Пили брудершафтъ и такъ понравились другъ другу, что бояринъ сталъ звать анархиста въ Румынію. У него на родинѣ огромныя имѣнія, въ томъ числѣ много земли подъ лѣсомъ, и онъ рѣшилъ часть этого лѣса обратить въ общественный паркъ. Это соотвѣтствовало взглядамъ анархиста: всѣ имѣнія боярина онъ охотно превратилъ бы въ общую собственность, и онъ честно предупредилъ объ этомъ пріятеля. Онъ предвидитъ, что румыны, у которыхъ есть такіе «бояре», очевидно, представляютъ молодой народъ, не зараженный еще, какъ швейцарцы, буржуазными предразсудками, и потому тамъ легче провести анархическія идеи. Онъ предупреждаетъ, что при первыхъ признакахъ революціи онъ не только не станетъ защищать частной собственности боярина, но, наоборотъ, сейчасъ же предоставитъ ее народу. Бояринъ согласился — можетъ быть, потому, что опасность не казалась ему такой близкой...

И вотъ, въ одномъ углу Румыніи ученый садовникъ-анархистъ на деньги и на землѣ боярина завелъ образцовый паркъ общественнаго пользованія. Вскорѣ, однако, раскрылись неудобства, истекающія изъ «молодости народа»: на столахъ, на скамьяхъ, на стѣнахъ появились скабрезныя надписи, цвѣты безцеремонно срывались, вѣтви на невиданныхъ деревьяхъ обламывались, ретирады превратились въ клоаки. Анархистъ обратился съ краснорѣчивымъ воззваніемъ, въ которомъ объяснилъ, что паркъ отдается въ распоряженіе и подъ защиту населенія: не надо срывать цвѣтовъ, не надо обламывать вѣтви, не надо неприличныхъ надписей... Но «молодой народъ» отвѣтилъ на паѳосъ анархиста-теоретика своеобразнымъ юморомъ: надписи появились уже вырѣзанными ножами, цвѣты и деревья уничтожались съ ожесточеніемъ, ретирады еще болѣе загажены. Тогда садовникъ пришелъ къ боярину и сказалъ:

— Я не могу жить въ вашей странѣ. Народъ, который не научился, какъ вести себя въ публичныхъ мѣстахъ, еще слишкомъ далекъ отъ анархизма въ моемъ смыслѣ.

Этотъ случай объясняетъ суть моей мысли. Не всякое отсутствіе навыковъ буржуазнаго общества знаменуетъ готовность къ соціализму. Когда-то нашъ анархистъ Бакунинъ написалъ: «намъ надо войти въ союзъ со всѣми ворами и разбойниками русской земли». Онъ былъ теоретикъ по преимуществу и анархистъ, отрицавшій собственность въ теоріи. Воръ отрицаетъ ее практически. Пусть практика сольется съ теоріей. Намъ теперь такое разсужденіе кажется великой наивностью: между отрицаніемъ собственности анархиста-философа, далеко заглянувшаго въ будущее, и такимъ же отрицаніемъ простого вора лежитъ цѣлая бездна. Вору нужно сначала вернуться назадъ, выработать въ себѣ честное отношеніе къ чужой собственности, т. е. то, чему учитъ «капиталистическая стадія», и уже затѣмъ не индивидуально, а вмѣстѣ со всѣмъ народомъ думать объ общественномъ отрицаніи собственности.

Вы скажете, что нашъ народъ не похожъ на тѣхъ румынъ, о какихъ мнѣ разсказывали. Я знаю: въ степени есть разница даже и въ самой Румыніи. Но — давайте честно и съ любовью къ истинѣ пого-

воримъ о томъ, что такое теперь представляетъ нашъ народъ.

Вы допустите, вѣроятно, что я не менѣе любого большевика люблю нашъ народъ; допустите и то, что я доказалъ это всей приходящей къ концу жизнью... Но я люблю его не слѣпо, какъ среду, удобную для тѣхъ или другихъ экспериментовъ, а такимъ, каковъ онъ есть въ дѣйствительности. Когда я путешествовалъ по Америкѣ, напр., я съ удовольствіемъ думалъ о томъ, что у насъ невозможны такіе суды Линча, какой около того времени разыгрался въ одномъ изъ южныхъ штатовъ: негръ изнасиловалъ бѣлую дѣвушку и, чтобы скрыть преступленіе, убилъ ее. Населеніе городка устроило судъ и сожгло его живымъ на кострѣ. Корреспонденты описывали шагъ за шагомъ такія подробности: веревки перегорѣли и несчастный сползъ съ костра. Толпа предоставила отцу убитой особую честь: онъ взялъ негра на свои дюжія руки и опять бросилъ въ костеръ.

Я думаю, что даже и теперь, во время величайшаго озвѣренія, у насъ подобное явленіе невозможно. Славянская натура нашего народа мягче англосаксонской. У насъ даже смертная казнь введена только греками вмѣстѣ съ христіанствомъ. Но это не мѣшаетъ мнѣ признать, что въ Америкѣ нравственная культура гораздо выше. Случай съ негромъ — явленіе настолько исключительное, что эта исключительность и вызвала такой звѣрскій судъ толпы. Въ обычное же время, въ среднемъ молоденькая дѣвушка можетъ безопасно путешествовать по всей странѣ, охраняемая твердостью общественныхъ нравовъ. Можно ли то же сказать о нашихъ нравахъ? У насъ такая путешественница можетъ на всякомъ шагу попасть въ сѣти общей нашей распущенности и развращенности. По натурѣ, по природнымъ задаткамъ нашъ народъ не уступаетъ лучшимъ народамъ міра, и это заставляетъ любить его. Но онъ далеко отсталъ въ воспитаніи нравственной культуры. У него нѣтъ того

самоуваженія, которое заставляетъ воздерживаться отъ извѣстныхъ поступковъ, даже когда этого никто не узнаетъ. Это надо признать, и надо вывести изъ этого необходимыя послѣдствія.

Намъ надо пройти еще довольно долгую и суровую школу. Вы говорите о коммунизмѣ. Не говоря о томъ, что коммунизмъ есть еще нѣчто неоформленное и неопредѣленное, и вы до сихъ поръ не выяснили, что вы подъ нимъ разумѣете — для соціальнаго переворота въ этомъ направленіи нужны другіе нравы. Изъ одного и того же вещества углерода получаются и чудные кристаллы алмаза и аморфный уголь. Значитъ есть какая то разница во внутреннемъ строеніи самихъ атомовъ. То же нужно сказать и о человѣческихъ атомахъ, изъ которыхъ составляется общество: не всякую форму можно немедленно скристаллизовать изъ даннаго общества. Во многихъ городахъ Швейцаріи уже теперь вы можете безопасно оставить любую вещь на бульварѣ и вернувшись застанете ее на томъ же мѣстѣ. А у насъ — будемъ говорить прямо... Точный учетъ въ такомъ вопросѣ, конечно, труденъ, но вы знаете у насъ есть поговорка: не клади плохо, не вводи вора въ грѣхъ. И вы, вѣроятно, согласитесь, что на тысячу человѣкъ, которые прошли бы мимо какой нибудь плохо лежащей вещи, въ Европѣ процентъ соблазнившихся будетъ гораздо меньше, чѣмъ въ Россіи. А вѣдь и такая разница уже имѣетъ огромное значеніе для кристалла. Прошлую осень я былъ въ украинской деревнѣ и много разговаривалъ съ крестьянами обо всемъ происходящемъ. Когда я разсказалъ о томъ, какъ въ Тулузѣ моя дочь съ мужемъ прожили годъ на квартирѣ, населенной рабочими, ни разу не запирая на ночь дверей, — это возбудило величайшее удивленіе.

— А у насъ, — грустно сказалъ на это одинъ хорошій и разумный крестьянинъ, — особенно въ нынѣшнее время, если хлопчикъ принесетъ матери

чужое, то иная мать его даже похвалитъ: хорошо, что несешь въ домъ, а не изъ дому.

И это, съ тѣхъ поръ, какъ вы провозгласили коммунизмъ, не ослабло, а усилилось въ огромной степени.

Маленькій, но многозначительный примѣръ: чтобы хоть нѣсколько ослабить недостатокъ въ продовольствіи, городское управленіе Полтавы (еще «буржуазное») поощряло разработку всѣхъ свободныхъ участковъ земли. Такимъ образомъ участки передъ домами на улицахъ оказались засаженными картошкой, морковью и пр. Тоже и относительно свободныхъ мѣстъ въ городскомъ саду. Это уже нѣсколько лѣтъ стало традиціей.

Въ этотъ годъ картофель уродился превосходный, но... его пришлось выкопать всюду задолго до того, какъ онъ поспѣлъ, потому что по ночамъ его просто крали. Кто кралъ — на этотъ разъ это не важно. Дѣло, однако, въ томъ, что одни трудились, другіе пользовались. Треть урожая погибла потому, что картофель не доросъ, запасовъ на зиму изъ остальной части сдѣлать не пришлось потому, что недоспѣвшій картофель гнилъ. Я видѣлъ группу бѣдныхъ женщинъ, которыя утромъ стояли и плакали надъ разоренными ночью грядами. Онѣ работали, сѣяли, скапывали, пололи. А пришли другіе, порвали кусты, многое затоптали, вырвали мелочь, которой еще надо было доходить два мѣсяца, и сдѣлали это въ какой нибудь часъ.

Это примѣръ, указывающій, что такую вещь, какъ нравственныя свойства народа, можно выразить въ цифрахъ. При одномъ уровнѣ нравственности урожай былъ бы такой-то, и городское населеніе до извѣстной степени было бы обезпечено отъ зимняго голода. У нашего народа «при коммунизмѣ» огромная часть урожая прямо погибла отъ нашихъ нравовъ. Еще большій ущербъ предстоитъ отъ того, что на будущій годъ многіе задумаются обрабатывать пустыя мѣста, никому не охота трудиться для воровъ... И

никакими разстрѣлами вы съ этой стихіей не справитесь. Тутъ нужно нѣчто другое, и во всякомъ случаѣ до коммунизма еще далеко.

Я хотѣлъ въ этомъ письмѣ обойтись безъ конкретныхъ случаевъ. Но я едва закончилъ это письмо. У насъ продолжается прежнее. По временамъ ночью слышатся выстрѣлы. Если это въ юго-западной сторонѣ — значитъ подступаютъ повстанцы, если въ юго-восточной сторонѣ кладбища — значитъ кого-нибудь (можетъ быть, многихъ) разстрѣливаютъ. Обѣ стороны соперничаютъ въ жестокости. Вся наша полтавщина похожа на пороховой погребъ, и теперь идетъ уже рѣчь о разстрѣлѣ заложниковъ, набранныхъ изъ мѣстъ, охваченныхъ повстаньемъ. Мѣра, если-бы ее примѣнить, безсмысленная, жестокая и только вредная для тѣхъ, кто ее примѣняетъ. Во время войны, особенно когда я былъ во Франціи, я слѣдилъ за этимъ варварскимъ институтомъ, завѣщаннымъ намъ средними вѣками, и долженъ сказать, что даже во время войны дѣйствительныхъ разстрѣловъ заложниковъ, кажется, не было. Французы обвиняли въ этомъ нѣмцевъ, нѣмцы французовъ. Но, кажется, что заложничество только и годилось для взаимныхъ обвиненій, а не для дѣйствительнаго употребленія. То-же нужно сказать и о насъ, — молодежи скрывающейся теперь въ лѣсахъ, и Махно, насторожившемуся уже по близости, мало горя, если нѣсколько стариковъ будутъ разстрѣляны. Это только дастъ имъ нѣсколько новыхъ приверженцевъ и окончательно озлобитъ нейтральное населеніе. Въ виду, можетъ быть, этихъ соображеній, до сихъ поръ разстрѣловъ заложниковъ еще не было. Но достаточно и того, что тюрьмы ими полны[1]. Сколько горя это вноситъ въ семьи — это мнѣ ясно видно по тѣмъ, кто приходитъ ко мнѣ въ слезахъ. И сколько работниковъ отнято у этихъ семей въ самый разгаръ сбора урожая.

[1] Увы! Послѣ этого о разстрѣлахъ заложниковъ сообщалось даже въ оффиціальныхъ «Извѣстіяхъ».

А Махно, называющій себя, кстати сказать, анархистомъ, уже выпустилъ въ мѣстностяхъ, имъ занятыхъ, свои деньги. Мнѣ говорили, что на нихъ написано два двустишія: «Ой, жінко, веселись, в Махна гроши завелись». И другое: «Хто цих грошей не братиме, того Махно дратиме».

Вообще эта фигура колоритная и до извѣстной степени замѣчательная. Махно — это средній выводъ украинскаго народа (а можетъ быть и шире). Ни одна изъ воюющихъ сторонъ безъ него не обходилась. Вамъ онъ помогъ при взятіи Донецкаго бассейна. Потомъ помогалъ добровольцамъ, хотя бы пассивно, очистивъ фронтъ. При послѣднемъ занятіи Полтавы махновцы опять помогали вамъ. А затѣмъ совѣтская власть объявила его внѣ закона. Но онъ надъ этимъ смѣется и этотъ смѣхъ напоминаетъ истинно мефистофельскую гримасу на лицѣ нашей революціи.

19 августа 1920 года.

ПИСЬМО ПЯТОЕ

Приходится задуматься о причинахъ явнаго разлада между западно-европейскими вожаками соціализма и вами, вождями россійскаго коммунизма. Ваша монопольная печать объясняетъ его тѣмъ, что вожди соціализма въ западной Европѣ продались буржуазіи. Но это, простите, такая же пошлость, какъ и то, когда васъ самихъ обвиняли въ подкупности со стороны Германіи.

Нѣтъ надобности искать низкихъ причинъ для объясненія факта этого разлада. Онъ коренится гораздо глубже, въ огромной разницѣ настроеній. Дѣло въ томъ, что вожди европейскаго соціализма въ теченіе уже десятковъ лѣтъ руководили легально массовой борьбой своего пролетаріата, давно проникли въ эти массы, создали широкую и стройную организацію, добились ея легальнаго признанія.

Вы никогда не были въ такомъ положеніи. Вы только конспирировали и самое большое — руководили конспираціей, пытавшейся проникнуть въ рабочую среду. Это создаетъ совершенно другое настроеніе, другую психологію.

Европейскіе руководители соціализма, принимая то или другое рѣшеніе, рекомендуя его своимъ послѣдователямъ, привыкли взвѣшивать всѣ стороны этого шага. Когда, напримѣръ, объявлялась стачка, то вождямъ приходилось обдумывать не только ея агитаціонное значеніе, но и всестороннія послѣдствія ея для самой рабочей среды, въ томъ числѣ данное состояніе промышленности. Сможетъ ли масса выдержать стачку, въ состояніи ли капиталъ уступить

безъ разстройства самаго производства, которое отразится опять на тѣхъ же рабочихъ? Однимъ словомъ, они принимали отвѣтственность не только за самую борьбу, но и за то, какъ отразится рекомендуемая ими мѣра на благосостоянiи рабочихъ. Они привыкли чувствовать взаимную зависимость между капиталомъ и трудомъ.

Вы въ такомъ положенiи никогда не были, потому что, благодаря безсмысленному давленiю самодержавiя, никогда не выступали легально. Вамъ лично приходилось тоже рисковать, приходилось сидѣть въ тюрьмахъ за то, что во всей Европѣ уже было признано правомъ массы и правомъ ея вождей, и этотъ рискъ тюрьмы, ссылки, каторги замѣнялъ для васъ въ вашихъ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ рабочихъ всякую иную отвѣтственность. Если отъ ошибки въ томъ или другомъ вашемъ планѣ рабочимъ и ихъ семьямъ приходилось напрасно голодать и терпѣть крайнюю нужду, то и вы получали свою долю страданiя въ другой формѣ.

И вотъ почему вы привыкли звать всегда къ самымъ крайнимъ мѣрамъ, къ послѣднему выводу изъ схемы, къ конечному результату. Вотъ почему вы не могли выработать чутья къ жизни, къ сложнымъ возможностямъ самой борьбы, и вотъ откуда у васъ одностороннее представленiе о капиталѣ, какъ исключительно о хищникѣ, безъ усложняющаго представленiя объ его роли въ организацiи производства.

И отсюда же ваше разочарованiе и горечь по отношенiю къ западно-европейскому соцiализму.

Рабочiе вначалѣ пошли за вами. Еще бы. Послѣ идiотскаго преслѣдованiя всякихъ попытокъ къ борьбѣ съ капиталомъ, вы сразу провозгласили пролетарскую диктатуру. Рабочимъ это льстило и много обѣщало... Они ринулись за вами, т. е. за мечтой немедленнаго осуществленiя соцiализма.

Но дѣйствительность остается дѣйствительностью. Для рабочей массы тутъ всетаки не простая схема, не одинъ конечный результатъ, какъ для васъ, а вопросъ

непосредственной жизни ихъ и ихъ семей. И рабочая масса прежде всѣхъ почувствовала на себѣ послѣдствiя вашей схематичности. Вы побѣдили капиталъ, и онъ лежитъ теперь у вашихъ ногъ, изувѣченный и разбитый. Вы не замѣтили только, что онъ соединенъ еще съ производствомъ такими живыми нитями, что, убивъ его, вы убили также производство. Радуясь своимъ побѣдамъ надъ деникинцами, надъ Колчакомъ, надъ Юденичемъ и поляками, вы не замѣтили, что потерпѣли полное пораженiе на гораздо болѣе обширномъ и важномъ фронтѣ. Это тотъ фронтъ, на протяженiи котораго на человѣка со всѣхъ сторонъ наступаютъ враждебныя силы природы. Увлеченные одностороннимъ разрушенiемъ капиталистическаго строя, не обращая вниманiя ни на что другое въ преслѣдованiи этой своей схемы, вы довели страну до ужаснаго положенiя. Когда то въ своей книгѣ «Въ голодный годъ» я пытался нарисовать то мрачное состоянiе, къ которому вело самодержавiе: огромныя области хлѣбной Россiи голодали, и голодовки усиливались. Теперь гораздо хуже, голодомъ поражена **вся Россiя**, начиная со столицъ, гдѣ были случаи голодной смерти на улицахъ. Теперь, говорятъ, вы успѣли наладить питанiе въ Москвѣ и Петербургѣ (надолго ли и какой цѣной). Но зато голодъ охватываетъ пространства, гораздо большiя, чѣмъ въ 1891-2 году въ провинцiи. И главное — вы разрушили то, что было органическаго въ отношенiяхъ города и деревни: естественную связь обмѣна. Вамъ приходится замѣнять ее искусственными мѣрами, «принудительнымъ отчужденiемъ», реквизицiями, при посредствѣ карательныхъ отрядовъ. Когда деревня не получаетъ не только сельско-хозяйственныхъ орудiй, но за иголку вынуждена платить по 200 рублей и больше — въ это время вы устанавливаете такiя твердыя цѣны на хлѣбъ, которыя деревнѣ явно невыгодны. Вы обращаетесь въ своихъ газетахъ къ селянамъ со статьями, въ которыхъ доказываете, что деревнѣ выгодно васъ поддерживать.

Но, устраняя пока вопросъ по существу, — вы говорите на разныхъ языкахъ; народъ нашъ еще не привыкъ обобщать явленія.

Каждый земледѣлецъ видитъ только, что у него берутъ то, что онъ произвелъ, за вознагражденіе, явно не эквивалентное его труду, и дѣлаетъ свой выводъ: прячетъ хлѣбъ въ ямы. Вы его находите, реквизируете, проходите по деревнямъ Россіи и Украины «каленымъ желѣзомъ», сжигаете цѣлыя деревни и радуетесь успѣхамъ продовольственной политики. Если прибавить къ этому, что многія области въ Россіи тоже поражены голодомъ, что оттуда въ нашу Украину, напримѣръ, слѣпо бѣгутъ толпы голодныхъ людей, причемъ отцы семей, курскіе и рязанскіе мужики, за неимѣніемъ скота, сами впрягаются въ оглобли и тащатъ телѣги съ дѣтьми и скарбомъ, — то картина выходитъ болѣе поразительная, чѣмъ все, что мнѣ приходилось отмѣчать въ голодномъ году... И все это не ограничивается мѣстностями, пораженными неурожаемъ. Уже два мѣсяца назадъ у насъ въ Полтавѣ я видѣлъ человѣка, который уже шестой день «не видѣлъ хлѣба», пробиваясь кое-какъ картошкой и овощами... А теперь, вдобавокъ, идетъ зима и къ голоду присоединяется холодъ. За возъ дровъ, привезенныхъ изъ недалекихъ лѣсовъ, требуютъ 12 тысячъ. Это значитъ, что огромное большинство жителей, даже сравнительно лучше обезпеченныхъ, какъ ваши совѣтскіе служащіе, окажутся (за исключеніемъ развѣ коммунистовъ) совершенно беззащитными отъ холода. Въ квартирахъ будетъ почти то самое, что будетъ на дворѣ. На этомъ фронтѣ вы отдали все городское (а частью и сельское) населеніе на милость и немилость враждебнымъ силамъ природы, и это одинаково почувствуетъ какъ разоренный, заподозрѣнный, «неблагонадежный» человѣкъ въ сюртукѣ, такъ и человѣкъ въ рабочей блузѣ. Народъ нашелъ уже и формулу, въ которой кратко обобщилъ это положеніе. Одинъ крестьянинъ, давно живущій въ городѣ и занимающійся ломовымъ извозомъ, сказалъ мнѣ какъ-то съ горькой и злой улыбкой:

Як був у нас Микола дурачок,
То хліб був пятачок,
А як прійшли разумни коммуністи,
То нічего стало людямъ істи,
Хліба ні за які гроші не дістанешь...

Этого не выдумаешь нарочно, это то, что само рождается изъ воздуха, изъ непосредственнаго ощущенія, изъ очевидныхъ фактовъ.

И вотъ рабочая среда начинаетъ чувствовать вашу основную ошибку, и въ ней являются настроенія, которыя вы такъ осуждаете въ огромномъ большинствѣ западно-европейскихъ соціалистовъ; въ ней явно усиливается меньшевизмъ, т. е. соціализмъ, но не максималистскаго типа. Онъ не признаетъ немедленнаго и полнаго соціальнаго переворота, начинающагося съ разрушенія капитализма, какъ непріятельской крѣпости. Онъ признаетъ, что нѣкоторыя достиженія буржуазнаго строя представляютъ общенародное достояніе. Вы боретесь съ этимъ настроеніемъ. Когда то признавалось, что Россіей самодержавно правитъ воля царя. Но едва гдѣ-нибудь проявлялась воля этого бѣдняги-самодержца, не вполнѣ согласная съ намѣреніемъ правившей бюрократіи, у послѣдней были тысячи способовъ привести самодержца къ повиновенію. Не то же ли съ такимъ же бѣднягой нынѣшнимъ «диктаторомъ». Какъ вы узнаете и какъ вы выражаете его волю? Свободной печати у насъ нѣтъ, свободы голосованія — также. Свободная печать, по вашему, только буржуазный предразсудокъ. Между тѣмъ отсутствіе свободной печати дѣлаетъ васъ глухими и слѣпыми на явленія жизни. Въ вашихъ оффиціозахъ царствуетъ внутреннее благополучіе въ то время, когда люди слѣпо «бредутъ врозь» (старое русское выраженіе) отъ голоду. Провозглашаются побѣды коммунизма въ

украинской деревнѣ въ то время, когда сельская Украина кипитъ ненавистью и гнѣвомъ, и чрезвычайки уже подумываютъ о разстрѣлѣ деревенскихъ заложниковъ. Въ городахъ начался голодъ, идетъ грозная зима, а вы заботитесь только о фальсификаціи мнѣнія пролетаріата. Чуть гдѣ-нибудь начинаетъ проявляться самостоятельная мысль въ средѣ рабочихъ, не вполнѣ согласная съ направленіемъ вашей политики, коммунисты тотчасъ же принимаютъ свои мѣры. Данное правленіе профессіональнаго союза получаетъ наименованіе бѣлаго или желтаго, члены его арестуются, само правленіе распускается, а затѣмъ является торжествующая статья въ вашемъ оффиціозѣ: «дорогу красному печатнику», или иной красной группѣ рабочихъ, которые до тѣхъ поръ были въ меньшинствѣ. Изъ суммы такихъ явленій и слагается то, что вы зовете «диктатурой пролетаріата». Теперь и въ Полтавѣ мы видимъ то же: чрезвычайная комиссія, на этотъ разъ въ полномъ согласіи съ другими учрежденіями, производитъ сплошные аресты меньшевиковъ. Все болѣе или менѣе выдающееся изъ «неблагонадежной» соціалистической оппозиціи сидитъ въ тюрьмѣ, для чего многихъ пришлось оторвать отъ необходимой текущей работы (безъ помощи «неблагонадежныхъ» меньшевиковъ вы всетаки съ ней справляться не можете). И такимъ образомъ, является новое «торжество коммунизма»[1].

Торжество ли это? Когда то, еще при самодержавіи, въ одинъ изъ періодовъ попеременнаго усиленія то цензуры, то освобождавшейся своими усиліями печати, въ одномъ юмористическомъ органѣ былъ изображенъ самодержецъ, сидящій на штыкахъ. Подпись: «неудобное положеніе», или что-то въ этомъ родѣ. Въ такомъ же неудобномъ положеніи находится теперь ваша коммунистическая правящая партія. Положеніе ея въ деревнѣ прямо трагическое. То и дѣло оттуда приносятъ коммунистовъ и комиссаровъ

[1] Теперь много меньшевиковъ административно выслано въ Грузію.

изувѣченныхъ и убитыхъ. Оффиціозы пишутъ пышные некрологи, и ваша партія утѣшаетъ себя тѣмъ, что это только куркули (деревенскіе богачи), что не мѣшаетъ вамъ выжигать цѣлыя деревни сплошь — и богачей, и бѣдныхъ одинаково. Но и въ городахъ вы держитесь только военной силой, иначе ваше представительство быстро измѣнилось бы. Ближайшіе ваши союзники, соціалисты - меньшевики, сидятъ въ тюрьмахъ. Мнѣ приходится то и дѣло наблюдать такія явленія. Въ 1905 году, когда я былъ здоровъ и болѣе дѣятеленъ, мнѣ приходилось одно время бороться съ нароставшимъ настроеніемъ еврейскихъ погромовъ, которое, несомнѣнно, имѣло въ виду не однихъ евреевъ, но и бастовавшихъ рабочихъ. Въ это время наборщики мѣстной типографіи, нарушая забастовку, печатали воззванія газеты «Полтавщина» и мои. Это невольно сблизило меня со средой наборщиковъ. Помню одного: онъ былъ, несомнѣнно, лѣвый по направленію и очень горячій по темпераменту. Его выступленія навлекли на него вниманіе жандармскихъ властей, и съ началомъ реакціи онъ былъ высланъ сначала въ Вологду, потомъ въ Усть-Сысольскъ. Фамилія его Навроцкій. Теперь онъ въ Полтавѣ и . . . арестованъ вашей чрезвычайкой за одно изъ выступленій на собраніи печатниковъ[1]. Когда теперь я читаю о «желтыхъ» печатникахъ Москвы и Петербурга, то мнѣ невольно приходитъ на мысль, — сколько такихъ Навроцкихъ, доказавшихъ въ борьбѣ съ царской реакціей свою преданность дѣйствительному освобожденію рабочихъ — арестуются коммунистами чрезвычайки, подъ видомъ «желтыхъ» т. е. «неблагонадежныхъ» соціалистовъ. Одно

[1] Въ октябрѣ Навроцкій былъ высланъ по рѣшенію Ч. К. въ сѣверныя губерніи. Мнѣ пришлось писать по этому поводу въ Харьковъ. Мои «докладныя записки» по начальству не имѣли успѣха. Теперь Навроцкій свободенъ, но зато высланъ въ сѣверныя губерніи его сынъ, уже разъ, еще въ дѣтствѣ, бывшій въ ссылкѣ вмѣстѣ съ отцомъ. Очевидно, «исторія повторяется».

время шелъ вопросъ даже о разстрѣлѣ Навроцкаго за его рѣчь противъ новыхъ притѣсненій свободы мнѣній въ рабочей средѣ. Чего добраго — это легко могло случиться, и тогда была бы ярко подчеркнута разница чрезвычаекъ и прежнихъ жандармскихъ управленій. Послѣднія не имѣли права разстрѣливать, — ваши чрезвычайки имѣютъ это право и пользуются имъ съ ужасающей свободой и легкостью.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ

Въ чемъ вы разошлись съ вождями европейскаго соціализма и начинаете все больше и больше расходиться съ собственной рабочей средой? Отвѣтъ на этотъ вопросъ я далъ выше: онъ въ вашемъ максимализмѣ.

Логически это положеніе самое легкое: требуй всего сразу, и всѣхъ, кто останавливается сразу передъ сложностью и порой неисполнимостью задачи, называй непослѣдовательнымъ, глупымъ, а порой и измѣнникомъ дѣлу соціализма, соглашателемъ, колчаковцемъ, деникинцемъ, вообще измѣнникомъ...

Неудобство этого пріема состоитъ въ томъ, что и вы сами не можете осуществить всего сразу. Вы, напримѣръ, допустили денежную систему. Это, конечно, только «на первое время», пока «наладится новый аппаратъ обмѣна», напримѣръ, общественное снабженіе. Но вѣдь ждать этого долго, и какой нибудь еще большій максималистъ, нарисовавъ послѣдствія денежной системы, которая, дѣйствительно является одной изъ характернѣйшихъ чертъ капиталистическаго строя, можетъ логически сдѣлать и вамъ упрекъ: вы допустили эту черту, значитъ, принимаете ея послѣдствія, а затѣмъ нѣсколько логическихъ ступеней, и вы — колчаковецъ, деникинецъ, измѣнникъ дѣлу соціализма. И не говорите, что это для васъ только временный этапъ: весь вопросъ состоитъ именно въ той мѣрѣ компромисса идеала съ дѣйствительностью, который «временно» принимаютъ западно-европейскіе соціалисты и вы. Вы, схематики,

максималисты, а они ищутъ мѣру революцiонныхъ возможностей. Для васъ не оказалось возможнымъ упразднить сразу денежную систему, они видятъ еще много другихъ невозможностей «сразу».

Логика одно изъ могучихъ средствъ мысли, но далеко не единственное. Есть еще воображенiе, дающее возможность охватывать сложность конкретныхъ явленiй. Это свойство необходимо для такого дѣла, какъ управленiе огромной страной. У васъ схема совершенно подавила воображенiе. Вы не представляете себѣ ясно сложность дѣйствительности. Математикъ расчитываетъ, напримѣръ, во сколько времени ядро, пущенное съ такой-то скоростью, прилетитъ на луну, но уже физикъ ясно представляетъ себѣ всю невозможность задачи, по крайней мѣрѣ при нынѣшнемъ уровнѣ техники. Вы только математики соцiализма, его логики и схематики. Вы говорите: мы бы уже всего достигли, если бы намъ не мѣшали всемiрные буржуи, и если бы вожди европейскаго соцiализма, а за ними и большинство рабочихъ, не измѣнили: они не дѣлаютъ у себя того, что мы дѣлаемъ у насъ, не разрушаютъ капитализма.

Но прежде всего вы сдѣлали у себя самое легкое дѣло: уничтожили русскаго буржуя, неорганизованнаго, неразумнаго и слабаго. Вамъ извѣстно, что европейскiй буржуа гораздо сильнѣе, а европейскiй рабочiй не такое слѣпое стадо, чтобы его можно было кинуть въ максимализмъ по первому зову. Онъ понимаетъ, что разрушить любой аппаратъ недолго, но измѣнять его въ данномъ случаѣ приходится на ходу, чтобы не разрушить производства, которымъ человѣкъ только и защищается отъ вѣчно враждебной природы. У западно-европейскихъ рабочихъ болѣе сознанiя дѣйствительности, чѣмъ у васъ, вождей коммунизма, и оттого они не максималисты. Послѣ переписки Сегрю и Ленина — дѣло ясно: европейская рабочая масса въ общемъ не поддержитъ васъ въ максимализмѣ. Она остается нейтральной въ предѣлахъ компромисса.

У насъ въ Полтавѣ, тотчасъ послѣ революцiи, смѣнилось городское самоуправленiе. Оно стало демократическимъ и вмѣшалось въ ходъ прежняго снабженiя. Между прочимъ оно основало городской дровяной складъ и, когда торговцы слишкомъ вздували цѣны, городское управленiе усиливало свою продажу, и цѣны падали. Тогда кричали, что и это соцiализмъ. Правовѣрные приверженцы капитала предпочитаютъ вполнѣ «свободную торговлю», безъ всякаго вмѣшательства. Вамъ это показалось бы слишкомъ скромнымъ... Но Полтава была защищена отъ зимней стужи.

Это, конечно, мелочь, но она ясно намѣчаетъ мою мысль. Только такъ можно вмѣшиваться въ снабженiе на ходу, не нарушая и не уничтожая его. Затѣмъ, по мѣрѣ опыта это вмѣшательство можно усиливать, вводя его во все болѣе широкiя области, пока наконецъ общество перейдетъ къ соцiализму. Это путь медленный, но единственно возможный. Вы же сразу прекратили буржуазные способы доставки предметовъ первѣйшей необходимости, и нынѣ Полтава, центръ хлѣбородной мѣстности, окруженная близкими лѣсами, стоитъ передъ голодомъ и передъ лицомъ близкой зимы вполнѣ беззащитная. И такъ всюду, во всѣхъ областяхъ снабженiя. Ваши газеты сообщаютъ съ торжествомъ, что въ Крыму у Врангеля хлѣбъ продается уже по 150 р. за фунтъ. Но у насъ (т. е. у васъ) въ Полтавѣ, среди житницы Россiи, онъ стоитъ 450 р. за фунтъ, т. е. втрое дороже. И такъ же все остальное.

Я уже говорилъ о томъ, что въ Полтавѣ создалась традицiя: жители обращаются ко мнѣ, какъ къ писателю, который умѣлъ порой прорывать цензурныя рамки. Прежде ко мнѣ приходили люди, притѣсняемые царскими властями. Теперь идутъ родные арестуемыхъ вами. Среди этихъ послѣднихъ есть много кожевниковъ. Жизнь беретъ свое: несмотря на вашъ запретъ, кожевники кустари то и дѣло при-

нимаются дѣлать кожи, удовлетворяя такимъ образомъ настоятельнѣйшей потребности въ обуви, ввиду зимы. Порой волостные исполкомы даютъ на это свою санкцію и понемногу кожа начинаетъ выдѣлываться, пока... не узнаютъ объ этомъ преступленіи ваши власти и не прекратятъ его. Вамъ надо, чтобы «сразу» производство стало на почву соціалистическую, даже коммунистическую, и вы превращаете компромиссъ въ соглашательство съ буржуазными формами производства. Конечно, вы можете сказать, что у васъ уже есть кое-гдѣ «совѣтскія кожевни», но что значатъ эти бюрократическія затѣи въ сравненіи съ огромной, какъ океанъ, потребностью. И въ результатѣ, посмотрите, въ чемъ ходятъ ваши же красноармейцы и служащая у васъ интеллигенція: красноармейца нерѣдко встрѣтишь въ лаптяхъ, а служащую интеллигенцію въ кое-какъ сдѣланныхъ деревянныхъ сандаліяхъ. Это напоминаетъ классическую древность, но это очень неудобно теперь къ зимѣ. На вопросъ, что будетъ зимой, отвѣтомъ порой служатъ только слезы.

Вообще, сердце сжимается при мысли о судьбѣ того слоя русскаго общества, который принято называть интеллигенціей. Разсмотрите ставки вашихъ жалованій и сравните ихъ съ цѣнами хотя бы на хлѣбъ. Вы увидите, какое тутъ смѣшное, вѣрнѣе трагическое, несоотвѣтствіе. И все-таки живутъ... Да, живутъ, но чѣмъ? — продаютъ остатки прежняго имущества: скатерти, платочки, кофты, пальто, пиджаки, брюки. Если перевести это на образный языкъ, то окажется, что они проѣдаютъ все, заготовленное при прежнемъ буржуазномъ строѣ, который приготовилъ нѣкоторые излишки. Теперь не хватаетъ необходимаго, и это растетъ какъ лавина. Вы убили буржуазную промышленность, ничего не создали взамѣнъ, и ваша коммуна является огромнымъ паразитомъ, питающимся отъ этого трупа. Все разрушается: дома, отнятые у прежнихъ владѣльцевъ и никѣмъ не реставрируемые, разваливаются, заборы

разбираются на топливо, однимъ словомъ идетъ общій развалъ.

Ясно, что дальше такъ идти не можетъ, и странѣ грозятъ неслыханныя бѣдствія. Первой жертвой ихъ явится интеллигенція. Потомъ городскіе рабочіе. Дольше всѣхъ будутъ держаться хорошо устроившіеся коммунисты и красная армія. Но уже и въ этой средѣ среди добросовѣстныхъ людей замѣтны признаки обнищанія. Лучше всего живется всякаго рода грабителямъ. И это естественно: вы строите все на эгоизмѣ, а сами требуете самоотверженія. Докажите же, что вооруженному человѣку выгодно умереть съ голоду, воздерживаясь отъ грабежа человѣка безоружнаго.

Я говорилъ выше объ одной характерной мелочи чисто бытового свойства, о грабежѣ огородовъ, принявшемъ такіе размѣры, что это лишаетъ на будущее время побужденія къ труду, не говоря только, какую роль при этомъ играли красноармейцы. Порой хозяева огородовъ дѣлали засаду на воровъ. Когда они застигали при этомъ людей штатскаго званія, тѣ конфузились и убѣгали. Только красноармейцы отвѣчали просто: что же, намъ сидѣть голодными что-ли? И продолжали грабить, переходя съ даннаго участка на участокъ сосѣда. Теперь еще одна такая же мелочь. Не далѣе двухъ недѣль тому назадъ изъ Полтавы уходилъ на фронтъ красноармейскій полкъ. Штабъ его помѣщался рядомъ съ моей квартирой, и потому съ утра вдоль нашей улицы выстроились ряды солдатъ. Во дворѣ дома, гдѣ я живу, есть нѣсколько орѣховыхъ деревьевъ. Это привлекло солдатъ, и въ ожиданіи отправки нашъ дворъ переполнился красноармейцами. Трудно описать, что тутъ происходило. Взлѣзали на деревья, ломали вѣтви и, постепенно входя въ какое-то торопливое ожесточеніе, торопясь какъ дѣти, солдаты стали хватать полѣнья дровъ, кирпичи, камни и швырять все это на деревья съ опасностью попасть въ сидящихъ на деревьяхъ или въ окна нашего дома. Нѣсколько

разъ полѣнья попадали въ рамы, къ счастью не въ стекла. Вы вѣдь знаете, что значитъ теперь разбить стекло. Пришлось обратиться къ начальству, но и начальство могло прекратить это только на самое короткое время. Черезъ минуту дворъ опять былъ полонъ солдатъ, и мнѣ едва удалось уговорить, чтобы не кидали полѣньевъ и камней съ опасностью побить окна. Всѣ деревья были оборваны, и только тогда красноармейцы ушли, послѣ торжественной рѣчи командира, въ которой говорилось, что красная армія идетъ строить новое общество... А я съ печалью думалъ о близкомъ бѣдствіи, когда нужда не въ орѣхахъ, а въ хлѣбѣ, топливѣ, въ одеждѣ, обуви, заставитъ этихъ людей, съ опаснымъ простодушіемъ дѣтей, кидающихся теперь на орѣхи, также кидаться на предметы первой необходимости. Тогда можетъ оказаться, что вмѣсто соціализма мы ввели только грубую солдатчину, вродѣ янычарства.

Мнѣ пришлось уже говорить при личномъ свиданіи съ вами о томъ, какая разница была при занятіи Полтавы красной арміей и добровольцами. Послѣдніе болѣе трехъ дней откровенно грабили городъ «съ разрѣшенія начальства». Красноармейцы заняли Полтаву, какъ дисциплинированная армія, и грабежи, производимые разными бандитами, тотчасъ же прекратились. Только впослѣдствіи, когда вы приступили къ безсуднымъ разстрѣламъ, реквизиціямъ квартиръ (постигавшимъ нерѣдко и трудовые классы), это впечатлѣніе замѣнялось другимъ чувствомъ. Вы умѣете занимать новыя мѣстности лучше добровольцевъ, но удержать ихъ не умѣете, какъ и они, — закончилъ я тогда. Теперь пріѣзжіе изъ Кіева разсказываютъ, что красной арміи было предложено, передъ выступленіемъ въ походъ, «одѣться на счетъ буржуазіи». Если это подтвердится, а извѣстіе носитъ всѣ признаки достовѣрности, то это будетъ значить, что опасный симптомъ уже начинается: вы кончаете тѣмъ, чѣмъ начинали деникинцы. Пріѣзжіе говорятъ, что на этотъ разъ грабежъ продолжался

болѣе недѣли, и это, можетъ быть, указываетъ на начало послѣдняго дѣйствія нашей трагедіи.

Чувствую, что мои письма надо кончать. Они слишкомъ затянулись и мѣшаютъ мнѣ отдаться другой работѣ. Къ тому же, объ этомъ предметѣ надо бы сказать гораздо больше и съ большимъ изученіемъ, а для этого у меня нѣтъ ни времени, ни здоровья. Поэтому закончу кратко: вы съ легкимъ сердцемъ приступили къ своему схематическому эксперименту, въ надеждѣ, что это будетъ только сигналомъ для всемірной максималистской революціи. Вы должны уже сами видѣть, что въ этомъ вы ошиблись: послѣ пріѣзда иностранной рабочей делегаціи, послѣ письма Сегрю и отвѣта Ленина, эта мечта исчезаетъ даже для вашего оптимизма. Вамъ приходится довольствоваться легкой побѣдой послѣдовательнаго схематическаго оптимизма надъ «соглашателями», но уже ясно, что въ общемъ рабочая Европа не пойдетъ вашимъ путемъ, и Россія, привыкшая подчиняться всякому угнетенію, не выработавшая формы для выраженія своего истиннаго мнѣнія, вынуждена идти этимъ печальнымъ, мрачнымъ путемъ въ полномъ одиночествѣ.

Куда? Что представляетъ вашъ фантастическій коммунизмъ? Извѣстно, что еще въ прошедшемъ столѣтіи являлись попытки перевести коммунистическую мечту въ дѣйствительность. Вы знаете, чѣмъ онѣ кончились. Робертъ Оуэнъ, фурьеристы, сен-симонисты, кабетисты — таковъ длинный рядъ коммунистическихъ опытовъ въ Европѣ и въ Америкѣ. Всѣ они кончались печальной неудачей, раздорами, трагедіями для иниціаторовъ, вродѣ трагедіи Кабэ. И всѣ эти благородные мечтатели кончали сознаніемъ, что человѣчество должно переродиться прежде, чѣмъ уничтожить собственность и переходить къ коммунальнымъ формамъ жизни (если вообще коммуна осуществима). Соціалистъ историкъ Ренаръ говоритъ, что Кабэ и коммунисты его пошиба прибѣгали къ слишкомъ упрощенному рѣшенію вопроса. «Среди

предметовъ, окружающихъ насъ, есть такіе, которые могутъ и должны остаться въ индивидуальномъ владѣніи, и другіе, которые должны перейти въ коллективную собственность». Вообще процессъ этого распредѣленія, за которое вы взялись съ такимъ легкимъ сердцемъ, представляетъ процессъ долгой и трудной подготовки «объективныхъ и субъективныхъ условій», для котораго необходимо все напряженіе общей самодѣятельности и, главное, свободы. Только такая самодѣятельность, только свобода всякихъ опытовъ могутъ указать, что выдержитъ критику практической жизни и что обречено на гибель. «Кабэ — говоритъ Ренаръ — (и другіе утописты, прибавляю я) — не сумѣли еще найти принципа, который установилъ бы эту раздѣльную линію. Онъ удѣлялъ слишкомъ много мѣста власти и единству. Государство — община, о которой онъ мечталъ, напоминаетъ пансіонъ, гдѣ молодымъ людямъ обезпечиваютъ здоровую умѣренную пищу, гдѣ одѣваютъ въ мундиръ ихъ умъ, какъ тѣло, пріучаютъ ихъ работать, ѣсть, вставать по звонку. Однообразіе этой суровой дисциплины порождаетъ скуку и отвращеніе. Этотъ монастырскій интернатъ слишкомъ тѣсенъ, чтобы человѣчество могло въ немъ двигаться, не разбивъ его.» Вы вмѣсто монастырскаго интерната ввели свой коммунизмъ въ казарму (достаточно вспомнить «милитаризацію труда»). По обыкновенію самоувѣренно, недолго раздумывая надъ разграничительной чертой, вы нарушили неприкосновенность и свободу частной жизни, ворвались въ жилье («мой домъ, моя крѣпость» — говорятъ англичане), стали производить немедленный дѣлежъ необходимѣйшихъ вещей, какъ интимныхъ проявленій вкуса и интеллекта, наложили руку на частныя коллекціи картинъ и книгъ... Не создавъ почти ничего, вы разрушили очень многое, иначе сказать, вводя немедленный коммунизмъ, вы надолго отбили охоту даже отъ простого соціализма, введеніе котораго составляетъ насущнѣйшую задачу современности.

Очевидецъ разсказывалъ мнѣ слѣдующую бытовую картину: съ одного изъ съѣздовъ возвращались уполномоченные волостныхъ комитетовъ. На этомъ съѣздѣ, по обыкновенію, были приняты резолюціи въ самомъ коммунистическомъ духѣ. Среди крестьянъ, подписавшихъ эти резолюціи, царило угрюмое настроеніе. Они ѣхали въ свои деревни, а тамъ, какъ извѣстно, настроеніе далеко не коммунистическое. Въ этой компаніи ѣхалъ горячій и, повидимому, убѣжденный коммунистъ, доказывавшій преимущества коммунистическаго строя. Отвѣтомъ на его горячія тирады было угрюмое молчаніе. Тогда онъ рѣшилъ пробить этотъ ледъ и прямо обратился къ одному изъ собесѣдниковъ, умному солидному мужику, въ упоръ предложивъ вопросъ: почему вы молчите и что думаете о томъ, что я говорилъ вамъ.

— Ось бачите — отвѣтилъ мужикъ серьезно — все это можетъ быть и правда... да бѣда въ томъ, что руки у человѣка такъ устроены, что ему легче горнуть до себе, а не від себе (загребать къ себѣ, а не отъ себя).

Какъ видите, это какъ разъ то самое, къ чему въ концѣ опыта приходятъ мечтатели утопическаго коммунизма. Дѣло, конечно, не въ рукахъ, а въ душахъ. Души должны переродиться. А для этого нужно, чтобы сначала перерождались учрежденія. А это въ свою очередь требуетъ свободы мысли и начинанія для творчества новыхъ формъ жизни. Силой задерживать эту самодѣятельность въ обществѣ и въ народѣ — это преступленіе, которое совершало наше недавнее павшее правительство. Но есть и другое, пожалуй, не меньшее — это силой навязывать новыя формы жизни, удобства которыхъ народъ еще не сознаетъ и съ которыми не могъ еще ознакомиться на творческомъ опытѣ. И вы въ немъ виноваты. Инстинктъ вы замѣнили приказомъ и ждете, что по вашему приказу измѣнится природа человѣка. За это посягательство на свободу самоопредѣленія народа васъ ждетъ расплата.

Соціальная справедливость дѣло очень важное, и вы справедливо указываете, что безъ нея нѣтъ и полной свободы. Но и безъ свободы невозможно достигнуть справедливости. Корабль будущаго приходится провести между Сциллой рабства и Харибдой несправедливости, никогда не теряя изъ виду обѣихъ вмѣстѣ. Сколько бы вы не утверждали, что буржуазная свобода является только обманомъ, закрѣпощающимъ рабочій классъ, въ этомъ вамъ не удастся убѣдить европейскихъ рабочихъ. Англійскіе рабочіе, надѣющіеся теперь провести ваши опыты (если-бы, конечно, они оказались удачны) черезъ парламентъ, не могутъ забыть, что буржуа Гладстонъ, дѣйствовавшій подъ знаменемъ самодовлѣющей свободы, чуть не всю жизнь боролся за расширеніе ихъ избирательныхъ правъ. И всякое политическое преобразованіе въ этомъ духѣ вело къ возможности борьбы за соціальную справедливость, а всякая политическая реакція давала обратные результаты. Политическихъ революцій было много, соціальной не было еще ни одной. Вы являете первый опытъ введенія соціализма посредствомъ подавленія свободы.

Что изъ этого можетъ выйти? Не желалъ бы быть пророкомъ, но сердце у меня сжимается предчувствіемъ, что мы только еще у порога такихъ бѣдствій, передъ которыми померкнетъ все то, что мы испытываемъ теперь. Россія представляетъ собою колоссъ, который постепенно слабѣетъ отъ долгой внутренней лихорадки, отъ голода и лишеній. Антантѣ не придется, пожалуй, долго воевать съ нами, чтобы насъ усмирить. Это сдѣлаетъ за нее наша внутренняя разруха. Настанетъ время, когда изнуренный колоссъ будетъ просить помочь ему, не спрашивая объ условіяхъ... И условія, конечно, будутъ тяжелыя.

* * *

Я кончаю. Гдѣ же исходъ? Въ прошломъ 1919 году ко мнѣ пріѣзжалъ корреспондентъ вашего правительственнаго телеграфнаго агентства, чтобы предложить мнѣ нѣсколько вопросовъ о томъ, что я думаю о происходящемъ. Я не люблю такихъ интервью. Помимо того, что я писатель и могъ бы самъ формулировать свои мысли, — эти интервью почти всегда бываютъ не точны. Но опять таки — я писатель, т. е. человѣкъ, стремящійся къ тому, чтобы его мысли стали извѣстны. А вы убили свободную печать. И я согласился отвѣчать корреспонденту, выразивъ только сомнѣніе, чтобы мои мысли нашли мѣсто въ большевистской печати. Онъ отвѣтилъ, что за это онъ не ручается, но агентство разошлетъ это интервью руководителямъ совѣтской власти.

Интервью въ печати не появилось. Не знаю, было ли оно прислано вамъ и нашли ли вы время, чтобы съ нимъ ознакомиться. Я тогда говорилъ въ общемъ то же, что повторяю теперь: вы умѣете занимать новыя мѣста, но удержать ихъ не умѣете, и я чувствую, что вы на Украинѣ потеряли уже почву. Событія — это мое предчувствіе оправдали: мѣсяца черезъ полтора вамъ пришлось оставить Украину подъ напоромъ деникинцевъ. Теперь тучи надъ вашимъ господствомъ на Украинѣ опять сгущаются...

Тотъ румынскій анархистъ, о которомъ я говорилъ ранѣе, пришелъ къ заключенію, что народъ, который до такой степени не умѣетъ вести себя въ публичныхъ мѣстахъ, еще очень далекъ отъ идеальнаго строя. Я скажу иначе: народъ, который еще не научился владѣть аппаратомъ голосованія, который не умѣетъ формулировать преобладающее въ немъ мнѣніе, который приступаетъ къ устройству соціальной справедливости черезъ индивидуальные грабежи (ваше: грабь награбленное), который начинаетъ царство справедливости допущеніемъ массовыхъ безсудныхъ разстрѣловъ, длящихся уже годы, такой народъ еще далекъ отъ того, чтобы стать во главѣ лучшихъ стремленій человѣчества. Ему нужно еще учиться самому, а не учить другихъ.

Вы побѣдили добровольцевъ Деникина, побѣдили Юденича, Колчака, поляковъ, вѣроятно, побѣдите и Врангеля. Возможно, что вооруженное вмѣшательство Антанты тоже окончилось бы вашей побѣдой: оно пробудило бы въ народѣ духъ патріотизма, который напрасно старались убить во имя интернаціонализма, забывая, что идея отечества до сихъ поръ еще является наибольшимъ достиженіемъ на пути человѣчества къ единству, которое, навѣрно, будетъ достигнуто только объединеніемъ отечествъ. Однимъ словомъ, на всѣхъ фронтахъ вы являетесь побѣдителями, не замѣчая внутренняго недуга, дѣлающаго васъ безсильными передъ фронтомъ природы...

Вы видите изъ этого, что я не жду ни вмѣшательства Антанты, ни побѣды генераловъ. Россія стоитъ въ раздумьи между двумя утопіями: утопіей прошлаго и утопіей будущаго, выбирая, въ какую утопію ей ринуться. Внѣшнее вмѣшательство только затемнило бы опытъ, а генералы, вѣроятно, опять предводительствуютъ элементами, вздыхающими о прошломъ и готовыми въ пользу прошлаго такъ-же злоупотреблять властью, какъ и въ пользу будущаго. По мнѣнію многихъ, положеніе Россіи теперь таково, что остается надежда только на чудо. Въ разговорѣ съ корреспондентомъ, о которомъ я говорилъ выше, я закончилъ призывъ къ вамъ, вожакамъ скороспѣлаго коммунизма, отказаться отъ эксперимента и самимъ взять въ руки здоровую реакцію, чтобы имѣть возможность овладѣть ею и обуздать реакцію нездоровую, свирѣпую и неразумную. Мнѣ говорятъ, что это значило бы расчитывать на чудо. Можетъ быть, это и правда. Конечно, для этого понадобилось бы все напряженіе честности и добросовѣстности для того, чтобы признать свою огромную ошибку. Подавить свое самолюбіе и свернуть на иную дорогу — на дорогу, которую вы называете соглашательствомъ.

Сознаю, что въ такомъ предположеніи много наивности. Но я оптимистъ и художникъ, а этотъ

путь представляется мнѣ единственнымъ, дающимъ Россіи достойный выходъ изъ настоящаго невозможнаго положенія. Къ тому же, давно сказано, что всякій народъ заслуживаетъ того правительства, которое имѣетъ. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что Россія васъ заслужила... Вы являетесь только настоящимъ выраженіемъ ея прошлаго, съ рабской покорностью передъ самодержавіемъ даже въ то время, когда, истощивъ всѣ творческія силы въ крестьянской реформѣ и еще нѣсколькихъ, за ней послѣдовавшихъ, оно перешло къ слѣпой реакціи и много лѣтъ подавляло органическій ростъ страны. Въ это время народъ былъ на его сторонѣ, а Россія была обречена на гниль и разложеніе. Нормально, чтобы въ странѣ были представлены всѣ оттѣнки мысли, даже самые крайніе, даже порой неразумные. Живая борьба препятствуетъ гніенію и претворяетъ даже неразумныя стремленія въ своего рода прививку: то, что неразумно и вредно для даннаго времени, часто сохраняетъ силу для будущаго.

Но подъ вліяніемъ упорно ретрограднаго правительства у насъ было не то. Общественная мысль прекращалась и насильно подгонялась подъ ранжиръ. Въ земледѣліи воцарился безнадежный застой, нарастающіе слои промышленныхъ рабочихъ оставались внѣ возможности борьбы за улучшеніе своего положенія. Дружественная трудящемуся народу интеллигенція загонялась въ подполье, въ Сибирь, въ эмиграцію и вела мечтательно озлобленную жизнь внѣ открытыхъ связей съ родной дѣйствительностью. А это въ свою очередь извращало интеллигентную м сль, направляя ее на путь схематизма и максимал..зма.

Затѣмъ случайности исторіи внезапно разрушили эту перегородку между народомъ, жившимъ такъ долго безъ политической мысли, и интеллигенціей, жившей безъ народа, т. е. безъ связи съ дѣйствительностью. И вотъ, когда перегородка внезапно рухнула, смѣсь чуждыхъ такъ долго элементовъ вышла ядо-

витой. Произошелъ взрывъ, но не тотъ плодотворный взрывъ, который разрушаетъ только то, что мѣшало нормальному развитію страны, а глубоко задѣвшій живыя ткани общественнаго организма. И вы явились естественными представителями русскаго народа съ его привычкой къ произволу съ его наивными ожиданіями «всего сразу», съ отсутствіемъ даже начатковъ разумной организаціи и творчества. Не мудрено, что взрывъ только разрушалъ, не созидая.

И вотъ истинное благотворное чудо состояло бы въ томъ, чтобы вы наконецъ сознали свое одиночество не только среди европейскаго соціализма, но начавшійся уже уходъ отъ васъ вашей собственной рабочей среды, не говоря уже о положительной ненависти деревни къ вашему коммунизму, — сознались бы и отказались отъ губительнаго пути насилія. Но это надо дѣлать честно и полно. Можетъ быть, у васъ еще достаточно власти, чтобы повернуть на новый путь. Вы должны прямо признать свои ошибки, которыя вы совершили вмѣстѣ съ вашимъ народомъ. И главная изъ нихъ та, что многое въ капиталистическомъ строѣ вы устранили преждевременно и что возможная мѣра соціализма можетъ войти только въ свободную страну.

Правительства погибаютъ отъ лжи... Можетъ быть, есть еще время вернуться къ правдѣ, и я увѣренъ, что народъ, слѣпо слѣдовавшій за вами по пути насилія, съ радостью просыпающагося сознанія пойдетъ по пути возвращенія къ свободѣ. Если не для васъ и не для вашего правительства, то это будетъ благодѣтельно для страны и для роста въ ней соціалистическаго сознанія.

Но... возможно ли это для васъ? Не поздно ли, если бы вы даже захотѣли это сдѣлать?

22 сентября 1920 г.

Напечатано въ типографіи
Ullstein A.-G., Berlin SW. 68.